

РИТМЪ И МЕТРЪ

ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ПОЭЗИИ.

(Окончаніе).

*Глава вторая.—Что такое стихотворный параллелизмъ?
Несостоятельность существующихъ взглядовъ на параллелизмъ.*

До сихъ поръ мы говорили объ одной вещественной сторонѣ ветхозавѣтной поэзіи. Мы видѣли, что матеріаломъ древнееврейскаго стиха служить повтореніе одинаковыхъ согласныхъ, начиная отъ отдѣльныхъ буквъ до цѣлыхъ словъ. Но, если аллитерація сама по себѣ можетъ увлечь слухъ, и даже мысль, игрою звуковъ и словъ; то это еще не все, что должна сдѣлать поэзія своими художественными формами. Отличительная особенность ощущеній, вызываемыхъ прекраснымъ поэтическимъ произведеніемъ, состоитъ въ томъ, что, овладѣвая человѣкомъ, онѣ электризуютъ чувство, дотога что самыя внѣшнія органы и мускулы человѣка невольно отражаютъ на себѣ волнующіяся движенія, образующія пѣснь. Постоянное неразрывное соединеніе поэзіи съ музыкою показываетъ, что душою, связывающею въ одно цѣлое поэтическій матеріалъ, можетъ быть только темпъ, или тактъ, словомъ, законмѣрный ходъ звуковъ, производящій именно то обаятельное ощущеніе, которое свойственно музыкѣ. Если пляску эстетики называютъ продолженіемъ музыки, ея пластическою стороною и воплощеніемъ; то поэзія должна быть общимъ именемъ всѣхъ гармоническихъ движеній чувства, выражаются ли онѣ только въ словѣ, или съ пособіемъ музыкаль-

наго инструмента. Подобрать только созвучныя слова и рими-ческия окончанія еще не значить составить пѣсню; служба по-литическому произведенію тѣмъ, что онѣ невольнo останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, приковывая его слухъ, эти созвучія однакожь представляютъ нѣчто другое и даже противоположное гармоническому внутреннему движенію пѣсни. Импульсъ этой внутренней стороны поэтическаго языка въ отличіе отъ рима, какъ начала созвучій, мы называемъ *метромъ*; онѣ состоятъ въ томъ, что отдѣльные звуки, независимо отъ ихъ звуковаго качества, группируются по аккордамъ и тактамъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по особенностямъ языка. Какъ независимый отъ вышнихъ звуковъ, строй движенія, метръ бываетъ очень разнообразенъ, хотя его общія основы всегда одинаковы. Въ отношеніи къ поэзіямъ древнимъ, метръ представляетъ главную трудность въ изученіи. Мы видѣли уже, сколько трудовъ въ теченіе вѣковъ употреблено было на изученіе библейскаго метра.

Въ настоящее время вопросъ о древнееврейскомъ метрѣ сводится на разъясненіе такъ называемаго библейскаго параллелизма членовъ, признаннаго единственною метрическою формою древнееврейской поэзіи. Мы высказались уже, что, по нашему мнѣнію, это опредѣленіе совершенно ложно и параллелизмъ членовъ, хотя онѣ и имѣютъ опредѣленное существованіе, къ сущности поэзіи, по самой природѣ своей, вовсе не относится. Но, такъ какъ какой-то роковой духъ заблужденія, особенно со времени появленія обольстительныхъ изслѣдованій Евальда, совершенно необъяснимымъ образомъ утвердилъ за ходячимъ мнѣніемъ о параллелизмѣ достоинство мнимой неопровержимости; то, какъ ни излишенъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о параллелизмѣ въ вопросѣ о поэзіи, мы должны разсмотрѣть его въ главнѣйшихъ подробностяхъ.

Прежде всего нужно сказать, что подъ древнимъ выраже-

ніемъ *параллелизмъ членовъ* parallelismus membrorum не всегда одно и тоже понимается изсѣдователями. Самое ходячее и самое наивное объясненіе поэтическаго параллелизма состоитъ въ слѣдующемъ (Von der Form der hebr. Poesie. Saalschütz. 98 и дал.): «параллелизмъ есть то ближайшее, то отдаленное *родство* (Verwandschaft) въ содержаніи отдѣльныхъ строкъ или предложений, обнаруживаемое то въ строкахъ непосредственно слѣдующихъ одна за другою, то въ смѣшанномъ порядкѣ, напримѣръ такъ, что первой строкѣ будетъ соответствовать содержаніе третьей». Просимъ читателя, забывши, что это принятое опредѣленіе древне-еврейской поэзіи, сказать безъ предубѣжденія, будетъ ли какой либо элементъ поэтическій въ томъ, что строки или отдѣльныя предложенія пѣсни связаны *родствомъ*? Развѣ всякое прозаическое сочиненіе не обязано имѣть связи между своими мыслями? Хотя бы эта связь была самая тѣсная, какую только можно осуществить между человѣческими представленіями, хотя бы этими представленіями были представленія о подобныхъ треугольникахъ, исчезающихъ другъ въ другъ, что отсюда выходитъ касательно поэтическаго метра строкъ? Когда мы пишемъ на доскѣ два треугольника совершенно подобныхъ и опредѣляемъ тождественно ихъ свойства; то неужели въ ихъ отношеніяхъ между собою мы подразумеваемъ что-нибудь поэтическое? Очевидно, что это плоское опредѣленіе не имѣетъ въ виду сущности поэзіи и указываетъ механически однѣ грамматическія отношенія между отдѣльными предложеніями.

Между тѣмъ, по другому объясненію параллелизма, этого *родства* между членами вовсе нѣтъ. По объясненію Ловта (Praellect. XIX), къ которому склоняется и Бликъ (Bleek, Einleitung, 83), параллелизмъ вышелъ изъ первоначальной неумѣлости человѣческаго слова овладѣвать мыслию, вслѣдствіе которой человѣкъ говорилъ *разбросанными* предложеніями, не имѣющими между собою внутреннихъ отношеній и связи, но однакожъ параллель-

*

ными съ внѣшней стороны, потому что всѣ онѣ стремились овладѣть одною и тою же мыслию; чѣмъ важнѣе была мысль и, слѣдовательно, чѣмъ труднѣе было овладѣть ею посредствомъ слова, тѣмъ болѣе ставилось параллельныхъ членовъ, прежде чѣмъ мысль казалась болѣе или менѣе удовлетворительно высказанною. Противъ этого мнѣнія, *mutando mutandis*, нужно сказать тоже, что мы замѣтили противъ перваго. Если всякое сочиненіе необходимо должно имѣть тѣсную связь между своими частями; то разбросанныя предложенія, сколько бы ихъ ни цанизовали въ стихъ, не имѣя между собою органической связи, не представляютъ цѣлаго и не могутъ назваться даже вообще сочиненіемъ. Положимъ, что человѣкъ можетъ выяснять себѣ мысль болѣе и болѣе и переходить отъ однихъ опредѣленій ея къ другимъ, но чтобы въ одинъ и тотъ же моментъ, объ одномъ и томъ же предметѣ, многія опредѣленія могли опережать другъ друга, нисколько не пересѣкаясь взаимно и чтобы одно выполненіе ихъ другъ подлѣ друга могло быть предметомъ особенной заботливости писателя, этого не возможно и представить. А какимъ образомъ этотъ недостатокъ человѣческаго слова, первоначальная безформенность рѣчи, могла сдѣлаться прекрасною поэтическою формою, ни Ловтъ, ни Бликъ не объясняютъ. Какъ ни свободны и просты должны были быть условія древнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, но они не могли заключиться въ такую прозаическую, и притомъ случайную и чуждую положительныхъ началъ область подобнымъ образомъ понятаго параллелизма.

Болѣе серіозное и научное основаніе представляетъ, по видимому, указанное Леемъ, объясненіе параллелизма изъ началъ аллитераціи. «Подобно тому, какъ повтореніе буквъ, учащаясь болѣе и болѣе, перешло въ повтореніе цѣлыхъ словъ, съ теченіемъ времени, при дальнѣйшемъ интеллектуальномъ развитіи, повтореніе словъ замѣнилось повтореніемъ мыслей, потому что, съ усиленіемъ интереса въ мысли, фонетическій элементъ пере-

сталь обращать на себя вниманіе и постепенно загерся мыслию.» «Что параллелизмъ представляетъ изъ себя дальнѣйшую фазу развитія аллитераціи, говоритъ Лей (Hebr. Poesie 16), это достаточно видно уже изъ того, что древняя эпическая (?) библейская поэзія не заключаетъ въ себѣ параллелизма, а только метрическую форму аллитераціи». — Эта матеріалистическая теорія Лей основывается на цвѣрно поставленномъ отношеніи между звукомъ и мыслию. Человѣческій звукъ всегда проникнутъ мыслию; тѣмъ болѣе музыкальный звукъ не можетъ быть противопологаемъ мысли и чувству; повтореніе звуковъ безъ всякой мысли на простомъ языкѣ будетъ означать крикъ, шумъ, а не музыку и гармонію. И наоборотъ, мысль, разсматриваемая отдѣльно отъ всякаго звука, есть нѣчто совершенно неуловимое и не можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія. Такимъ образомъ, если не справедливо Гердеръ (Geist der hebr. Poesie 273) выводилъ аллитерацію изъ параллелизма; то не менѣе несправедливо Лей ставить параллелизмъ мысли въ полную зависимость отъ аллитераціи. Даже скорѣе могъ бы быть правъ Гердеръ, чѣмъ Лей, потому что мысль, при всякомъ представленіи ея, всегда является первичною творческою силою, на помощь которой, въ моментъ ея образованія въ душѣ, природа даетъ звуковое выраженіе безъ котораго, какъ говоритъ Миллеръ (Лекціи по наукѣ о языкѣ, 295). «никакая сущность не существуетъ, потому что все звучитъ своимъ звукомъ, звучитъ золото, дерево, камень; ничтожная пылипка имѣетъ свой звукъ, хотя не осязательный для грубаго уха; всякое малѣйшее явленіе сопровождается звукомъ, какъ въ области природы, такъ и въ области мысли». И вообще недѣло отодвигать къ одному концу исторіи человѣческой поэзіи одинъ звукъ, а къ другому занятіе мыслию безъ вниманія къ звуку, тѣмъ болѣе, что это противно исторіи; параллелизмъ, вопреки заявленію Лей, болѣе именно въ древнѣйшихъ пѣсняхъ и съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, такъ что въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, гдѣ нѣтъ ал-

литерации, весьма мало и параллелизма. — Но, если бы даже Лей былъ правъ, что параллелизмъ вышелъ изъ аллитерации, рѣшается ли этимъ гордіевъ узелъ параллелизма, какъ метрической формы? Чтобы созвучія аллитерации могли перейти на параллелизмъ, нужно допустить, что параллельныя предложенія выражены одними и тѣми же звуками; но, въ такомъ случаѣ, вся музыкальность будетъ на сторонѣ звука, который могъ бы дать гармонію и безъ параллелизма. А если представить, что повтореніе словъ, переходя въ повтореніе мыслей, обрасываетъ свои послѣднія созвучія и поэтъ устремляется исключительно къ созерцанію мысли; то, хотя всегда мысль будетъ имѣть звукъ, но, такъ какъ этотъ звукъ здѣсь предоставленъ случаю и не входитъ въ соображенія пѣвца, то спрашивается: какъ уловить здѣсь музыкальность, потому что мысль и вообще существуетъ только въ звуковой оболочкѣ и свою гармонію можетъ обнаруживать только въ предѣлахъ звука.

Подобно тому какъ взглядъ Ловта о безформенности первобытной человѣческой рѣчи, какъ основаніи параллелизма имѣть свою противоположность въ болѣе распространенномъ взглядѣ на параллелизмъ, скрѣпляемый родствомъ членовъ, и матеріализація библейскаго параллелизма у Лей была вызвана крайнимъ одухотвореніемъ метрическихъ формъ ветхозавѣтной поэзіи, перенесеніемъ ихъ изъ чувственной области вещественнаго метра въ сверх-чувственную область риема мысли. Это восхожденіе отъ плоти къ духу, отъ подлежащихъ числу и мѣрѣ звуковъ къ беззвучной метричѣ мысли утверждено, съ замѣчательною энергіею, богатствомъ и силою мысли, *Евальдомъ*, этимъ вождемъ новѣйшей библейской пѣмечной критики, и признано послѣднимъ словомъ науки.

Если въ обыкновенной, прозаической рѣчи, говорятъ Евальдъ, соединеніе и связь словъ, составныя части въ предложеніи и цѣлой рѣчи, могутъ стоять случайно, на всякомъ мѣстѣ, безъ какого-либо

опредѣленнаго вѣщнаго закона и порядка; то поэтическая рѣчь требуетъ законмѣрности и строгаго *порядка*. Этотъ порядокъ размѣщенія звуковъ необходимъ потому, что иначе стремительность словъ, образовъ, преставленій, вообще чувства, глубоко потрясеннаго у поэта, своимъ безмѣрнымъ содержаніемъ могла бы подавить слово поэта, или по крайней мѣрѣ вылиться въ безвидныя очертанія, дикія и безобразныя. Основаніе порядка въ движеніи поэтической рѣчи человѣкъ носитъ въ своей собственной груди. Потокъ звуковъ и словъ не можетъ течь изъ груди человѣка непрерывно, но долженъ подчиняться закону человѣческаго дыханія, дѣлающаго промежутки вдыханія и выдыханія воздуха. Вѣчный, естественный рѣимъ прилива и отлива воздуха въ грудь есть глубочайшее основаніе всякихъ поэтическихъ движеній. вмѣстѣ съ теченіемъ воздуха изъ груди, слова могутъ вырываться съ крайнею энергіею и стремительностію, но въ моментъ когда кончается отливъ воздуха изъ груди и воздушная волна возвращается въ пѣдра человѣка, прерывается потокъ словъ и человѣкъ дѣлается на мгновеніе безсильнымъ къ выраженію своего напряженнаго чувства. Такимъ образомъ поэтический метръ будетъ состоять въ правильномъ ходѣ вдыханій и выдыханій голоса, приливовъ и отливовъ, повышеній и пониженій.

Но, такъ какъ движущуюся и волнующуюся силою здѣсь во всякомъ случаѣ является мысль, прочувствованная поэтомъ, то никакое метрическое вдыханіе и выдыханіе звуковъ не можетъ отстраняться отъ ясности и свѣта мысли, какъ это могло бы случиться въ томъ случаѣ, если бы выдыханіе звуковъ прекратилось, прежде чѣмъ мысль была высказана сполна, причемъ кругъ звуковъ даннаго выдыханія, взятый самъ по себѣ, представлялъбы темную и несуществующую для сознанія массу. Такимъ образомъ метрическое выдыханіе или поднятіе должно заключать въ себѣ *полное* предложеніе. Но, такъ какъ въ моментъ поэтическаго творчества, при напряженіи чувства, *быва-*

ють усиленныя, а потому быстрѣйшія и кратчайшія выдыханія воздуха и связанныя съ ними поднятія звуковъ, то и поэтическія предложенія должны быть краткія. вмѣсто свободной и ровной прозаической рѣчи въ періодахъ, поэтическая рѣчь сокращаетъ мысль въ моментальные *скачки*, поднимающіеся быстрымъ налетомъ мысли, имѣющей однакожь всегда полный аккордъ, т. е. три главные части предложенія, подлежащее, сказуемое и ихъ связь. Напримѣръ въ пѣсни Девворы первое поднятіе звуковъ читается такъ:

Мщеніемъ возгорѣли вожди израиля.

Хотя въ этихъ словахъ все содержаніе еще не высказано, но тѣмъ не менѣе взятый здѣсь аккордъ мысли имѣетъ опредѣленный характеръ. На основаніи его можно судить уже о всей дальнѣйшей пѣсни; именно, имъ можно измѣрить степень напряженности поэтического движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ понять сущность и мотивъ его содержанія.

Такимъ образомъ поставленный первый шагъ поэтического движенія въ поднятѣмъ предложеніи не можетъ стоять уединенно, какъ не можетъ быть мыслимъ самостоятельно актъ одного выдыханія. Точно также не возможно, чтобы непосредственно за первымъ поднятѣмъ предложеніемъ явилось такое же трудно выдыхаемое второе, какъ не возможны изъ груди два сряду отлива воздуха. Одно, что возможно послѣ такого повышенія, это паденіе звука, т. е. слабѣе и легкое предложеніе. Въ отношеніи къ звуку оно можетъ быть то короче то длиннѣе перваго, но во всякомъ случаѣ будетъ слабѣе его и должно произноситься спокойнымъ и пониженнымъ голосомъ. По отношенію къ мысли, оно *не должно заключать новаго момента*, потому что при полномъ соотвѣтствіи между мыслию и звукомъ, всякій новый элементъ въ мысли долженъ вызывать поднятіе звука и не совмѣстимъ съ ослабленіемъ въ звукѣ; приливъ въ мысли немед-

ленно возбуждает отливъ въ дыханіи или поднятіе голоса. Такимъ образомъ, послѣ поднятаго поэтическаго предложенія можетъ стоять только его *повтореніе*, которое, какъ такое, уже не даетъ новыхъ рефлексивныхъ движеній и произносится спокойно.

Взятая вмѣстѣ, повышеніе и пониженіе даютъ полное цѣлое, *риѳмъ мысли*, замкнутый въ себѣ закономъ физическо-психической необходимости. Каждый изъ членовъ имѣетъ полное поэтическое значеніе только при другомъ, потому что повышенія и пониженія могутъ быть различны и взаимно опредѣляются. Такимъ образомъ глубокое пониженіе, поставленное послѣ незначительнаго поднятія было бы неестественно и наоборотъ. Но самыя высокія поднятія и потому самыя глубокія пониженія представляютъ лирическія изліянія. Когда, напримѣръ, поэтъ начинаетъ надгробную пѣснь, то при этомъ накипѣвшая въ душѣ боль необходимо прорвется сразу въ высшей степени открыто и напряженно; оттого члены поэтическаго метра будутъ стоять здѣсь въ какомъ-то обрывочномъ по видимому отношеніи, хотя именно эта обрывочность и видимая отдаленность ихъ другъ отъ друга, на самомъ дѣлѣ, служить ихъ лучшею связію. Напримѣръ, Давидъ одну изъ своихъ элегій начинаетъ:

Каменный таранъ, израиль, погибъ на высотахъ твоихъ..
О, пали герои!...

Чтобы всѣ слова первой строки обнять однимъ выдыханіемъ требуется здѣсь очень быстрое произношеніе ея; наоборотъ вторая строка, чтобы представить соотвѣтствующее мѣсту пониженіе должна быть медленною и спокойною, съ чѣмъ согласна и ея краткость.

Опущенная внизъ во второмъ членѣ мысль снова должна подняться далѣе съ новымъ дальнѣйшимъ выдыханіемъ, чтобы снова опуститься и т. д. Такимъ образомъ, указанный метръ повышенія и пониженія мысли долженъ пройти чрезъ всю пѣсню, выдержи-

вая свой первоначальный характеръ. Болѣе или менѣ быстрыми скачками мысль дѣлаетъ свой *танецъ*, пока не истощится вся возбуждающая сила мысли въ душѣ поэта. Такъ отразился, говоритъ Евальдъ, въ поэзіи древнихъ евреевъ метръ, этотъ могущественный пульсъ всякой истинной мысли, изначала движущій и радующій человѣчество, которое носитъ его въ себѣ, какъ начало жизни физической и интеллектуальной.

Эти основанія, предложенныя Евальдомъ для объясненія параллелизма, какъ онѣ ни высоко стоятъ въ сравненіи съ выше приведенными теоріями, падаютъ при ближайшемъ и точномъ разсмотрѣніи. Евальдъ смѣшалъ требованія ораторскаго искусства съ условіями поэтическаго творчества. Повышенія и пониженія голоса необходимы при чтеніи всякаго сочиненія; но особенную заботливость въ отношеніи къ нимъ всегда выказывали древніе ораторы. Для нихъ необходимо было обдѣлывать предложенія такъ, чтобы слушающая толпа ни на мгновеніе не выходила изъ подъ обаянія говорящаго: для этого прежде всего нужно было, чтобы ораторъ не останавливался среди предложенія. Бывали случаи, что не ловко остановившійся среди предложенія ораторъ трогался съ трибуны. Далѣе, такъ какъ въ рѣчи существуютъ первостепенныя и второстепенныя части, и такъ какъ, дѣйствительно, держать голосъ на одной высотѣ человѣкъ не можетъ; то ораторы имѣли обычай равномерными повышеніями и пониженіями опредѣлять для слушателей ходъ своей рѣчи. Это наглядно можно видѣть въ построеніи латинскаго ораторскаго періода. Первая часть его всегда имѣетъ второстепенное значеніе, бываетъ обширна и потому самому произносится быстро; напротивъ вторая часть, содержащая сущность дѣла и потому выраженная по возможности кратко, все болѣе и болѣе замедляется по направленію къ концу, такъ что послѣднее слово періода—глаголъ правящій всѣмъ періодомъ, произносится возможно спокойнымъ и важнымъ тономъ власти и достоинства.

Сосредоточивая въ себѣ всю сущность рѣчи, вторая часть такъ или иначе *повторяла* первую, или отражала ее въ своемъ содержаніи, такъ что слушатель, проронившій даже быструю первую часть періода, могъ удовлетвориться заключительнымъ членомъ. Эти только общія требованія ораторскаго искусства Евальдъ прилагаетъ къ ветхозавѣтной поэзіи. Своею теоріею древнееврейскаго стиха Евальдъ въ одно время сказалъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Простому лирическому пѣвцу, вовсе не рассчитывающему на толпу слушателей, но безхитростно погруженному въ святилище свыше вызваннаго въ немъ чувства, Евальдъ навязываетъ ораторскую декорачію въ широтѣ и краткости предложеній, повышеній и пониженій голоса; очевидно это слишкомъ много. Съ другой стороны, ограничивъ условія поэтическаго произведенія одними обыкновенными, хотя и составляющими переходъ отъ прозы къ поэзіи, ораторскими приѣмами, Евальдъ унижилъ поэтическій языкъ Ветхаго Завѣта, сказалъ слишкомъ мало. Нужды нѣтъ, что Евальдъ настаиваетъ на естественности и осязательной важности выведенныхъ имъ основаній, кроющихся въ самой физической природѣ человѣка. Во всякомъ случаѣ ходъ рѣчи, построенной по его теоріи, съ правомъ пожалуй можетъ называться *естественнымъ ораторствомъ*, но не пѣснію.

Сущность ветхозавѣтной пѣсни состоитъ въ томъ, какъ опредѣляетъ самъ Евальдъ въ другомъ случаѣ, что мысль или чувство получаетъ гармоническую оболочку и поется подъ аккомпаниментъ (отсюда самое названіе *лирики*). Хотя проникнувшая поэта мысль во многихъ случаяхъ достигаетъ значительной напряженности, но вообще нельзя сказать, чтобы внутреннимъ началомъ библейской пѣсни служило состояніе близкаго къ изступленію порыва. Самъ Евальдъ не много указываетъ подобныхъ пѣсней въ Библии, а большинство поэтическихъ произведеній Ветхаго Завѣта причисляетъ къ спокойнымъ и ровнымъ. Если же такимъ образомъ поэту нѣтъ необходимости бросать

свою мысль скачками и натуживать, то установленное Евальдомъ отношеніе между повышеніями и пониженіями колеблется и получаетъ случайный характеръ. Мы ниже озаботимся доказать примѣромъ, что даже приведенные Евальдомъ образцы представляютъ больше призрачныя, чѣмъ дѣйствительныя повышенія и пониженія мысли. Теперь мы спросили бы у Евальда, какимъ образомъ мысль какъ мысль, какъ голое предложеніе, онъ могъ бы поднять и опустить, чтобы это не зависѣло, какъ онъ предполагаетъ, отъ такого или другаго ея выраженія? Въ сущности онъ доказываетъ поднятіе и пониженіе голоса, слѣдовательно звуковую оболочку мысли, опредѣляющую наглядное отличіе всякой поэзіи; какимъ же образомъ можетъ выйти отсюда не риѣмъ звуковъ, а беззвучный *риѣмъ мысли*. Положимъ, что Евальдъ имѣлъ въ виду случаи видимаго повторенія мысли въ двухъ различныхъ частяхъ стиха. Но что обусловливаетъ такое повтореніе? Можно ли указать какое-либо внутреннее отношеніе между напряженностію чувства поэта и порывистостію вдыханій и выдыханій съ одной стороны и повтореніемъ предложеній съ другой? Можно ли сказать, что чѣмъ быстрее слѣдуютъ другъ за другомъ вдыханіе и выдыханіе, тѣмъ болѣе между собою онѣ будутъ близки по содержанію. или наоборотъ, что содержаніе будетъ тѣмъ ближе, чѣмъ спокойнѣе вдыханія и выдыханія, и, слѣдовательно, чѣмъ меньше напряженность чувства? Предполагаемъ первое, что отношеніе между параллельными подобными членами увеличивается прогрессивно напряженію чувства. Идя послѣдовательно, мы должны представить здѣсь случай самаго крайняго и усиленнаго напряженія чувства, требующій *абсолютнаго сходства* въ содержаніи параллельныхъ членовъ. Но это абсолютное сходство двухъ мыслей, соответствующихъ вдыханію и выдыханію, уничтожаетъ всякое отношеніе между повышеніемъ и пониженіемъ, потому что, если ихъ мысль сходна въ точности, то слѣдовательно ихъ можно *поставить одно на мѣсто*

другого, въ какомъ случаѣ ни повышенія ни пониженія на самомъ дѣлѣ не будетъ. Беремъ второе предположеніе: чѣмъ спокойнѣе поэтическое чувство, тѣмъ ближе между собою параллельные члены по содержанію. Слѣдуя тѣмъ же путемъ доказательства, предположимъ безкопечно малую напряженность чувства и совершеннѣйшее спокойствіе въ поэтѣ; въ такомъ случаѣ выраженія параллельныхъ мыслей будутъ въ возможной степени тождественны, слѣдовательно опять повышеніе можетъ быть поставлено на мѣстѣ пониженія, пониженіе на мѣстѣ повышенія, т. е. не будетъ ни того ни другого. Далѣе, такъ какъ основное начало поэтического творчества, по опредѣленію Евальда, есть напряженность чувства; то съ упадкомъ этой послѣдней рѣчь теряетъ свою поэтическую силу и приближается къ прозѣ. Такимъ образомъ выйдетъ, что поэтическій параллелизмъ, находящій свои полныя созвучія въ состояніи спокойнаго чувства, принадлежитъ собственно прозѣ, а не поэзіи, или и той и другой, т. е. что a не равно a , или же что a равно и не равно a . И такъ очевидно, что вдыханіе и выдыханіе предложений и сходство предложений по содержанію у Евальда связаны насильственно. Вдыханія и выдыханія параллельныхъ членовъ, какъ мы сказали, взяты Евальдомъ изъ теоріи ораторской декламации, а риѳмъ мысли въ повтореніи членовъ заимствованъ у прежнихъ поборниковъ поэтического параллелизма. На самомъ дѣлѣ повтореніе мыслей въ рѣчи вовсе не зависитъ отъ случайнаго расположенія духа, возбужденности и энергіи чувства, ни положительнымъ ни отрицательнымъ образомъ. Много можно бы указать свидѣтельствъ на это изъ исторіи поэзіи. Ограничяясь на этотъ разъ замѣчаніемъ, что изъ нашихъ поэтовъ Жуковскій часто употребляетъ параллельные члены какъ въ спокойныхъ, такъ и въ глубоко потрясающихъ пѣсняхъ, напротивъ Пушкинъ и Лермонтовъ не знаютъ параллелизма, хотя въ ихъ стихотвореніяхъ можно найти самыя разнообразныя степени поэтического вдохновенія.

Можно ли, далѣе, самый метръ понимать въ той формѣ, какую предлагаетъ Евальдъ? Параллельные члены у Евальда представляютъ собою соединеніе движенія и покоя; чѣмъ больше движенія въ первомъ членѣ, тѣмъ болѣе во второмъ мысль и звукъ возвращаются къ своему покою, zu seiner ruhe zurückbewegen. Такимъ образомъ метръ у Евальда есть извѣстное гармоническое отношеніе между *движеніемъ* и *покоемъ*. Хотя то и другой имѣютъ степени; но, принимая теорію Евальда, мы вольны представить такое напряженіе движенія, которому долженъ соответствовать самый глубокий покой. Но, спрашивается, могутъ ли въ точномъ смыслѣ поняты, движеніе и покой давать какой-либо метръ въ поэтическомъ движеніи? Если члены стиха должны гармонически уравнивать другъ друга, то какимъ образомъ движеніе, какъ сила, можетъ уравниваться покоемъ т. е. отсутствіемъ силы? Какія можно подставить отношенія, въ которыхъ единица была бы равна полю? Если говорится въ другихъ просодіяхъ, что долгая и короткая гласная въ извѣстномъ соединеніи образуютъ метръ, то долгота и краткость вовсе не стоятъ между собою въ отношеніяхъ движенія и покоя. Если долгая гласная требуетъ напряженія звука, чтобы растянуть ея произношеніе; то короткая требуетъ подобнаго же напряженія, чтобы быстрее ее выговорить, и гдѣ напряженіе въ произношеніи короткой не равняется напряженію произношенія долгой, тамъ короткой является на помощь въ стопѣ другая короткая. Такимъ образомъ въ соединеніи долгихъ и короткихъ имѣется въ виду не движеніе и покой, или сила и ея отрицаніе, а двѣ равныя, но разновидности силы, гармонически взаимно уравнивающія себя. Этимъ только можно объяснить такія соединенія звуковъ, какія представляютъ: *pyrrhichius*, состоящій изъ обоихъ короткихъ гласныхъ, *spondeus*, состоящій изъ обоихъ долгихъ, *tribrachus* изъ трехъ короткихъ, *proceleusmaticus* изъ четырехъ короткихъ, *molossus* изъ трехъ долгихъ, *dispondeus* изъ четырехъ долгихъ. Такъ какъ, по теоріи поэтического параллелизма, два

соединяемые предложенія соответствуют соединенію долгихъ и короткихъ въ другихъ поэзіяхъ, то отношеніе между ними также можетъ быть только отношеніемъ двухъ сталкивающихся и соизмѣримыхъ силъ, И точно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ каждомъ изъ параллельныхъ членовъ найдется свой элементъ и движенія и пооя; мысль каждаго члена всегда заключаетъ въ себѣ одновременно и повышение, т. е. что либо такое, чего нѣтъ въ другомъ членѣ и пониженіе, т. е. отсутствіе чего либо изъ того, что есть въ другомъ, и потому указанное Евальдомъ отношеніе между членами *de facto* не выполняется, такъ что читатель напрасно будетъ ломать себѣ голову соображеніями, почему такая то мысль есть повышение, а такая то, не менѣе полная, есть пониженіе.

Обращаемся къ тѣмъ самымъ примѣрамъ, которые выбралъ для себя Евальдъ. Пѣснь Давида на смерть Саула и Ионаана 2 Сам. 1, 19 и дал.

ст. 19. Краса твоя израиль погибла на холмахъ твоихъ,
О, какъ пали сильные!..

Хотя второй членъ здѣсь короче перваго, по ни въ мысли, ни въ ея выраженіи онъ не представляетъ пониженія въ отношеніи къ первому; напротивъ первый членъ, заключающій въ себѣ метафору, ниже втораго, положительно высказывающаго основную мысль всей пѣсни. Точно также въ отношеніи къ выраженію второй членъ не ниже перваго: одна частица *ек о какъ*, составляющая главную принадлежность элегій и стоящая здѣсь въ началѣ второй строки, не позволяетъ признать въ ней пониженіе. Что дѣйствительно здѣсь второй членъ не только не ниже перваго, но есть именно самый выдающійся стихъ въ цѣлой пѣсни и по мысли и по выраженію, это видно изъ того, что онъ повторяется въ пѣсни еще два раза (ст. 25 и 27). Хоть при этомъ однажды и часть перваго члена повторяется (25 ст.), но

уже на второмъ мѣстѣ, тогда какъ второй членъ: «о, какъ пали герои» въ двухъ своихъ повтореніяхъ въ пѣсни стоитъ на мѣстѣ повышенія. Далѣе

ст. 20. Не разказывайте въ Гаоѣ, не оповѣщайте на
улицахъ Аскалона,

Чтобы не радовались дочери Филистимлянъ, что
бы не ликовали дочери необрѣзанныхъ.

Конечно, имѣя предзанятый взглядъ, можно при чтеніи понизить второй членъ, но въ сущности содержанія къ этому нѣтъ повода. Напротивъ частица *рен чтобы не*, стоящая предъ второю частию стиха показываетъ, что первая есть только одно изъ условій второй.

ст. 21. Горы Гилбоа! ни росы ни дожди на васъ,
Потому что тамъ поверженъ щитъ сильныхъ.

Здѣсь дѣйствительно первая часть имѣетъ бо́льшую напряженность, но ея мысль случайна, тогда какъ второй членъ заключаетъ рѣчь о герояхъ пѣсни. — Точно также всѣ дальнѣйшіе стихи пѣсни только крайній схоластикъ можетъ раздѣлить по повышеніямъ и пониженіямъ мысли. Нужно замѣтить при этомъ, что это первый у Евальда примѣръ и притомъ элегической пѣсни, долженствующей заключать въ себѣ самыя точныя различія повышеній и пониженій. Второй примѣръ, приводимый Евальдомъ въ его общемъ введеніи: (Суд. 5) пѣснь Девворы, по взгляду самаго автора, не долженъ имѣть такихъ ясныхъ повышеній и пониженій. Замѣчательно, что изъ обѣихъ этихъ пѣсней Евальдь приводитъ только по одному первому стиху, очевидно не видя возможности провести свой взглядъ чрезъ всю пѣснь.

Итакъ Евальдь: 1) несправедливо смѣшалъ единицу эраторскаго движенія рѣчи (предложеніе) съ единицею, опредѣляющею моменты поэтическаго движенія. Евальдь забылъ, что пѣсни не произносятся, а поются, и что пропѣтъ цѣлое предложеніе за од-

нимъ выдыханіемъ воздуха не возможно, да и не нужно, потому что поэтъ имѣетъ въ виду только себя, а не слушателей и, следовательно, предложеніе, высказанное не въ одинъ, а въ нѣскольго моментовъ, ничего не теряетъ. 2) Евальдъ напрасно искалъ метра въ соединеніи противоположностей движенія и покоя, какъ будто покой есть что-либо положительное и какъ будто можетъ быть какая нибудь равнодѣйствующая между движеніемъ (толчкомъ) и покоемъ (отсутствіемъ толчка). Если въ музыкѣ существуютъ интерваллы, то сами по себѣ они ничто, и могутъ быть мыслимы только какъ извѣстное отношеніе между двумя положительными тонами. 3) Наконецъ третья ошибка Евальда состоитъ въ томъ, что параллелизмъ членовъ стиха, или повтореніе предложеній, онъ призналъ сцѣпленіемъ своихъ ораторскихъ строкъ по метру движенія и покоя.

Имѣя въ виду эти соображенія, последуемъ теперь за Евальдомъ далѣе въ его раздѣленіе параллелизма на отдѣльные виды.

Характеръ и способъ, по которому расчленяются мысли, повторяясь въ различныхъ частяхъ стиха, можетъ быть разнообразенъ и представляетъ различныя степени созвучія: 1) Самый сильный и прекрасный метръ бываетъ въ томъ случаѣ, когда мысль находитъ полное отзвучіе во второмъ членѣ, т. е. когда вполнѣ повторяется предложеніе, *wiederhall des ganzen satzes*. Здѣсь не имѣетъ мѣста тавтологія, или повтореніе словъ, но метръ держится только въ области мысли. Такимъ образомъ, гдѣ въ прозѣ два предмета стоятъ одинъ при другомъ, какъ два подлежащихъ, здѣсь для каждаго изъ нихъ отдѣляется особенное предложеніе. Напр. Притч. 1, 10.

Слушай, сынъ мой, наставленія отца твоего

И не отвергай назиданія матери твоей.

Въ прозѣ подлежащія: отецъ и мать короче. были бы названы въ одномъ предложеніи. Притч. 1, 8; 4. 3; 10, 1. Такъ

какъ членъ пониженія долженъ быть слабѣе и мягче повышенія, то часто важнѣйшее слово перваго члена, особенно стоящее въ началѣ, опускается во второмъ членѣ, или наоборотъ опускаются придаточныя предложенія, а повторяются только главные части рѣчи. Напримѣръ:

Чего бояться мнѣ когда господствуетъ нечестивый,
Когда неправедные гонители окружають меня.

Или наоборотъ:

Кто опредѣлилъ размѣры земли, если бы ты зналъ,
Или кто провелъ по ней вервь измѣренія?

Пс. 49, 6. Юв. 38, 5. Притч. 1, 3. 4, 13. 9, 4. Въ подобныхъ случаяхъ для предотвращенія скучнаго однообразія въ повтореніи мысли употребляются внѣшнія оттѣнки различій, изъ которыхъ прекраснѣйшимъ нужно назвать перемену аористовъ въ двухъ параллельныхъ членахъ.

2) Противоположность этому роду метра представляетъ другой тяжелый метръ, въ которомъ предложеніе, будучи слишкомъ длиннымъ для одного члена, распадается на два члена, такъ что полная мысль дается только совокупностію обоихъ членовъ. Напримѣръ:

Пс. 110, 5. Іегова, по своему правосудію,
Сокрушилъ, въ день гнѣва Своего, царей.

Пс. 48, 8. Вѣтромъ восточнымъ
Ты сломалъ корабли Фарисскіе.

Притч. 24, 26 Уста цѣлуетъ
Кто правильный отвѣтъ даетъ.

Если въ перваго рода параллелизмъ дается, при каждомъ новомъ членѣ, полуоборотъ (ein halber rückschritt) назадъ, что-бы то, что уже высказано одинъ разъ, выдвинуть снова и тѣмъ

плотнѣе связать между собою отдѣльные члены; то здѣсь каждая строка есть шагъ впередъ (Fortschritt zum weitem). Но такъ какъ такой метръ, собственно говоря, отнимаетъ правильную пульсацию или танецъ членовъ стиха (den Tanz der Versglieder), и такимъ образомъ убиваетъ самую жизнь стиха; то это тяжелое созвучіе допускается только изрѣдка и не можетъ быть господствующимъ въ пѣсни. Между тѣмъ и само оно получаетъ нѣкоторую жизненность, если какой нибудь отгѣнокъ мысли перваго члена слегка возбуждается во второмъ. Напр.

Пс. 17, 4. Мірскія дѣла... нѣтъ, словомъ устъ Твоихъ
Я избѣгу путей варварскихъ.

3) Если наконецъ представляются два предложія, не повторяющія другъ друга и не продолжающія непосредственно, но равно самостоятельныя, дающія вышій смыслъ своимъ соединеніемъ, будь это въ формѣ предъидущаго и послѣдующаго, т. е. такимъ образомъ, что одно служитъ противоположеніемъ, сравненіемъ вообще основаніемъ другому, или даже безъ вѣшной связи между ними, если только онѣ стоятъ одно за другимъ, образуя цѣлое посредствомъ общаго хода мысли; то отсюда происходитъ спокойный, но сильный метръ, стоящій на срединѣ между двумя первыми родами, который потому можно назвать *среднимъ* метромъ. Напримѣръ:

Притч. 14, 30. Сердце тихое есть жизнь тѣла,
А злоба—это костоѣда въ костяхъ.

Притч. 11, 22. Что золотое кольцо въ посу свиньи,
То женщина красивая, и безпутная.

Іов. 22, 12. Вотъ Богъ на высотѣ небесъ,
И посмотри вверхъ на звѣзды, какъ онѣ
высоко.

Этотъ метръ бываетъ еще прекраснѣе, если онъ разщепляется на двое внутри втораго члена. Такъ:

Притч. 24, 24. Кто говоритъ беззаконному: ты правъ,
Опозорять того народы, проклянуть племена.

Иногда, виѣстъ съ пониженіемъ, и повышеніе раздѣляется на двое. Напримѣръ:

Пс. 18, 42. Они кричатъ... но нѣтъ спасителя.
Къ Іеговѣ... но Онъ не отвѣчаетъ имъ.

Созвучіе усиливается если, при этомъ, одинъ изъ элементовъ перваго члена повторяется во второмъ. Такъ:

Пс. 21, 14. Возстанъ, Іегова, въ силѣ Твоей!
Мы поемъ и славимъ могущество Твое.

По такимъ законамъ развивается нить мыслей и словъ внутри стиха! При этомъ, если мысль распространяется въ широкій кругъ и состоитъ изъ многихъ членовъ, то въ заключеніи послѣдняго члена, послѣ многихъ перемѣнъ въ мысли, дѣлается возвращеніе къ началу. Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ метра. Напр.

2 Сам. 1, 22. Отъ крови рашенныхъ, отъ тука воиновъ,
Не возвращался лукъ Іонаана,
Мечъ Саула не отступалъ отъ нихъ.

Такимъ образомъ Евальдъ признаетъ три вида метра параллельныхъ членовъ: 1) Метръ повторенія одной мысли въ двухъ предложеніяхъ. 2) Метръ, въ которомъ два члена даютъ двѣ мысли различнаго, какого бы ни было содержанія; подъ опредѣленіе этого *средняго* метра у Евальда подходятъ все періоды и всякія простыя предложенія, въ какой бы то ни было связи слѣдующія одно за другимъ. 3) Метръ тупой, въ которомъ одно предложеніе раздѣляется на части. Хотя Евальдъ, при опредѣле-

ніи среднего и тупаго метра, старается найти случаи нѣкотораго побочнаго повторенія, но въ сущности повтореніе членовъ принадлежитъ только одному первому виду параллелизма. Такимъ образомъ Евальдъ дѣлаетъ здѣсь первый видимый шагъ назадъ отъ своего общаго опредѣленія, что повышенія и пониженія обращаются всегда около повторенія одной мысли. Какимъ образомъ, по разсматриваемой нами теоріи, возможенъ метръ, названный у Евальда среднимъ, допускающій сѣщеніе всякихъ мыслей, стоящихъ рядомъ? Въ сущности, допустивши свой средній метръ, Евальдъ отвергъ всякій метръ между мыслями, потому что гдѣ повышеніе не требуетъ извѣстнаго строго опредѣленнаго для себя пониженія, тамъ нѣтъ ни того ни другаго, а слѣдовательно нѣтъ и метра, а идетъ прозаическая рѣчь. Можетъ быть намъ возразятъ, что поэтическая мысль бываетъ очень свободна и что нѣтъ возможности предвидѣть какое теченіе приметъ второй членъ послѣ перваго? Это совершенно справедливо, только не по Евальду, у котораго отличие поэзіи отъ прозы состоитъ въ томъ именно, что въ первой предложеніе ложится за предложеніемъ не случайно, какъ требуетъ обыкновенный порядокъ рѣчи, а *танцами* и гармоническими скачками. Но спрашивается: какой танецъ даетъ причина, поставленная вмѣстѣ съ своимъ слѣдствіемъ, условіе вмѣстѣ съ зависящимъ отъ него положеніемъ, положеніе вмѣстѣ съ своимъ противоположеніемъ, вопросъ съ отвѣтомъ и т. под.? Если какой либо глубокій мыслитель и усмотритъ здѣсь музыкальный танецъ, то такой же танецъ вѣчно дѣлается во всякихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, даже во всякомъ разговорѣ, и не имѣетъ права самъ по себѣ назваться поэтическимъ. Мы хотѣли бы думать, что метръ членовъ въ этихъ періодическихъ стихахъ среднего метра, по мысли Евальда, состоитъ не столько въ содержаніи ихъ, сколько въ переливахъ волненій чувствъ и въ самыхъ степеняхъ повышеній и пониженій голоса, какъ это говорилось въ общемъ введеніи Евальда; но здѣсь это предположеніе не

можетъ быть допущено, потому что авторъ не напрасно же различаетъ виды и самыя названія метра сообразно тому, повторяются ли равныя предложенія, или же онѣ стоятъ между собою въ отношеніяхъ членовъ періода и т. дал. Очевидно Евальдъ стоитъ здѣсь въ области синтаксиса и обыкновенныя грамматическія отношенія между частями рѣчи возводитъ на степень поэтическихъ движеній. Это новое доказательство на то, что Евальдъ смѣшивалъ представленіе ораторской рѣчи съ представленіемъ поэзіи; двѣ части періода, представляющія ораторское повышеніе и пониженіе въ смыслѣ правильнаго произношенія, у него явились двумя элементами поэгического стиха. А такъ какъ части прозаическаго періода могутъ свободно перемѣнять мѣста, не измѣняя взаимныхъ отношеній, такъ что повышеніе можетъ быть пониженіемъ и наоборотъ, тогда какъ въ поэзіи отношеніе между ними должно быть самое опредѣленное; то здѣсь вообще опровергается всякая возможность искать поэгического метра въ отношеніяхъ между какими либо предложеніями.

Еще болѣе необъяснимъ родъ тупаго метра, состоящаго въ раздѣленіи одного предложенія на два члена. Правда, Евальдъ называлъ его «труднымъ и мало жизненнымъ» рѣзмомъ, но какимъ образомъ вообще возможно видѣть здѣсь метрическое теченіе мысли. Здѣсь нарушаются всѣ условія поэгического движенія, указанныя этимъ авторомъ. Никакое повышеніе и пониженіе немислимы въ отношеніи къ этому метру. Сдѣлать какой нибудь шагъ мысль можетъ только высказавшись; а отдѣльныя слова напримѣръ: «вѣтромъ восточнымъ», или: «Іегова, по Твоему правосудію» ничего не даютъ для рѣзма чистой мысли, потому что онѣ не имѣютъ содержанія, и, какъ такія, не могутъ вызывать никакихъ повышеній или пониженій. Замѣтимъ кстати, что Евальдъ называетъ этотъ рѣзмъ маложизненнымъ и низкимъ родомъ рѣзма именно потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ отбѣнокъ повторяющейся мысли, между тѣмъ, говоря о метрѣ полного

повторенія, онъ же устраняетъ возможность повторенія мысли въ собственномъ смыслѣ, а всегда ищетъ особеннаго оттѣнка различія членовъ, по крайней мѣрѣ въ аористахъ, и въ этомъ различіи видитъ высшую красоту. Собирая это невольное противорѣчіе Евальда, мы приходимъ къ заключенію, что высшій метръ по Евальду долженъ быть тотъ, который онъ называлъ «среднимъ», метръ не заключающій въ себѣ повторенія въ собственномъ смыслѣ, которое, само по себѣ взятое, онъ называетъ даже *пустымъ* (leere), но съ другой стороны и не раздѣленный въ содержаніи своихъ членовъ, но метръ, представляющій двѣ ступени мысли, или двѣ постепенныя мысли. Такимъ образомъ опять очевидно, что предъ Евальдомъ носился ораторскій періодъ, какъ модель метрической формы.

Наконецъ, нѣтъ ничего опредѣленнаго во взаимномъ отношеніи между указанными Евальдомъ родами метра мысли. Обыкновенно присутствіе метра въ пѣсни узнается по тѣмъ или другимъ повтореніямъ извѣстныхъ отношеній между звуками. Въ отношеніи къ метру мысли слѣдовало бы ожидать, что каждая пѣсня выдерживаетъ какой либо одинъ опредѣленный видъ параллелизма, или, состоя изъ различныхъ видовъ, повторяетъ ихъ въ правильномъ порядкѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, и исаломъ, начавшись повтореніемъ членовъ, можетъ обращаться къ сравненіямъ, противоположеніямъ, дѣлить одну мысль въ два члена и т. под., т. е. употреблять безразлично, смотря по ходу рѣчи, всѣ обороты, какіе существуютъ въ языкѣ, не стѣняясь никакими условіями метра. Такимъ образомъ, если бы даже заключался какой нибудь метръ въ отдѣльно взятомъ повтореніи предложения, въ отдѣльномъ взятомъ слѣдованіи одного за другимъ двухъ различныхъ предложений, или въ раздѣленіи одного предложения на двѣ части; то онъ убивался бы окончательно смѣщеніемъ въ одно всѣхъ этихъ метровъ, потому что каждый изъ видовъ параллелизма имѣетъ свой особенный темпъ, свой ключъ

повышеній и пониженій, такъ что, основываясь на мѣнѣ метровъ, слѣдовало бы придти къ невозможному предположенію, что въ продолженіи пѣсни, авторъ различными образомъ видоизмѣняетъ степень своего чувства и свое душевноеположеніе.

Вмѣсто опредѣленія взаимныхъ отношеній между видами параллелизма, Евальдъ, представляетъ особенную, замѣчательную впрочемъ, главу *объ объемъ и границахъ библейскаго стиха* (der Umfang und die Gränzen des Verses). Вотъ сущность ея содержанія.

Если и отдѣльный *танцъ* повышения и пониженія производитъ собою особенное поэтическое обаяніе, то это обаяніе все болѣе и болѣе усиливается съ каждымъ новымъ движеніемъ мысли. Стихъ, смотря по расположенію духа, приведенному въ движеніе поэтическую мысль, можетъ быть очень разнообразенъ въ числѣ своихъ членовъ, ихъ силѣ и ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ. Подобныя разнообразія тѣмъ болѣе возможны въ еврейской поэзіи, что здѣсь мысль сама по себѣ, въ своемъ первичномъ движеніи, дѣлаетъ живой метръ всѣхъ членовъ стиха. Не смотря однакожь на то, стихъ библейскій всегда имѣетъ и опредѣленныя границы, въ которыя должны укладываться всѣ его малые и большіе члены.]

1. *Одночленный* стихъ, представляющій отношеніе между членами въ формулѣ 1 : 0, хотя не даетъ вполне образованнаго стиха, но онъ возможенъ при другихъ стихахъ, какъ противоположность обыкновенному размѣру, коль скоро въ самой рѣчи чувствуется отливъ мысли и чувства. Онъ возможенъ въ началѣ длинной рѣчи, гдѣ едва только начинается сила поэтического движенія (Пс. 18, 2. 23, 1. 66, 1. 90, 1. 100, 1. 139, 1. 146, 1), или же въ концѣ подобной рѣчи, гдѣ поэтическое движеніе уже ослабѣло (Исх. 15, 8. Пс. 92, 9). Въ подобныхъ случаяхъ даже двухчленный стихъ можетъ стоять только короткій. Пс. 93, 3. Псалт. 1, 10. Въ срединѣ рѣчи одночлен-

ный, вялый стихъ не можетъ стоять. Въ Пс. 29, 7 онъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, на концѣ строфы; Исх. 15, 12 въ началѣ строфы. Въ мѣстахъ какъ Пс. 50, 5 видны уже особенности позднѣйшихъ (?) пѣсней.

2. *Двухчленный* стихъ, представляющій отношеніе членовъ въ формулѣ 1 : 1 или $\underline{a}b$, есть не только основной, но и самый употребительный и замѣтный въ Библии, по крайней мѣрѣ для перваго взгляда. Какъ самый простой стихъ, онъ требуетъ обыкновенно метра повторенія, или по крайней мѣрѣ, метра средняго. Допускается впрочемъ здѣсь и тяжелый метръ раздѣленія предложенія, но не часто и не сряду.

3. *Более чѣмъ двухчленный* стихъ возможенъ двоякимъ образомъ: чрезъ расширеніе повышеній и пониженій, или чрезъ совокупленіе ихъ.

1) Чрезъ *разширеніе* метра отъ 2 до 3 членовъ, при чемъ пониженіе втораго члена разширяется и на третій. Когда мысль *разширяетъ* стихъ въ 3 члена, то эти послѣдніе стоятъ между собою не такъ, чтобы два изъ этихъ членовъ были тѣснѣе связаны между собою, и уже вмѣстѣ, какъ цѣлое, относились къ одиночному третьему члену, по формулѣ: 2 : 1, но такъ, что каждый изъ нихъ образуетъ одиночное цѣлое; третій членъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и второй, второй тоже что и первый, по формулѣ 1 : 1 : 1, или $\underline{a} \underline{b} c$. Такимъ образомъ это можетъ быть только при приемѣ повторяющемся одно предложеніе, гдѣ мысль перваго члена отражается разъ и другой разъ. Напримѣръ:

Пусть преслѣдуетъ врагъ душу мою и настигнетъ,

Пусть затончетъ въ землю жизнь мою,

Пусть мой скипетръ броситъ во прахъ.

Пс. 7, 6. 7, 5. 12, 6. 7, 18, 8, 9, 31. 36. 44. 51. 22, 24. 90, 17. 91. 15. 116, 3. 8. 140, 11. Такимъ образомъ связываются между собою три сродныя малыя предложенія и въ разго-

зорной рѣчи Пс. 1, 1. Пс. 15, 3. 4. 24, 4. Притч. 30, 15. Тяжелый приемъ раздѣленія предложенія на двѣ части здѣсь былъ бы еще тяжелѣе, чѣмъ въ двухчленномъ стихѣ, а потому и не употребляется.

Болѣе трехъ членовъ разширеніе смысла въ повтореніи не можетъ обнимать, такъ какъ чрезъ подобное разширеніе единство и связь терялись бы въ безкопечномъ множествѣ; уже четыре члена стиха въ такомъ видѣ не возможны.

2) Чрезъ *совокупленіе* метровъ возможны слѣдующія построенія стиховъ:

а) Стихъ, состоящій изъ четырехъ членовъ, соединенныхъ вмѣстѣ по два, какъ 2 : 2, или a b c d. Этотъ стихъ представляетъ умноженный на себя первоначальный двухчленный стихъ, причемъ два первые члена произносятся легче и быстрѣе обыкновеннаго, образуя вмѣстѣ одну половину стиха противъ двухъ другихъ, образующихъ вторую половину, и всѣ вмѣстѣ тѣсно замыкаются въ новое высшее единство. Такого рода стихъ, выдерживающій, при всей кипучей быстротѣ рѣчи, основную равномерность метра, есть одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ стиховъ еврейской поэзіи. Гдѣ въ простомъ двухчленномъ стихѣ тяжелый или средній метръ дѣлится на двѣ слабо выдающіяся части, тамъ, при соединеніи двухъ метровъ, являются двѣ полновѣсныя и равномерныя половины. Напримѣръ:

Въ скорби я воззвалъ къ Іеговѣ,
Возопилъ къ Богу моему;
Изъ чертога Своего Онъ услышалъ меня,
Вопль мой вошелъ во уши Его.

Пс. 18, 7. ср. 28, 1. 59, 17. 72, 17. 27, 9. Іова 7, 21. Еще прекраснѣе бываетъ этотъ соединенный метръ, когда первый членъ соотвѣтствуетъ третьему, а второй -- четвертому:

Ис. 18, 16. И видно стало русло водъ,
И обнажились основанія вселенной,
Отъ прещенія Твоего Іегова,
Отъ дуповенія вѣтра поздрей Твоихъ.

β) Совокупленіе метровъ можетъ дать двѣ неравныя половины, отношеніе которыхъ можно выразить въ формулѣ 2 : 1. Въ такомъ случаѣ изъ трехъ членовъ два первой половины, противопоставленные одиночному члену другой половины, должны отличаться особенною быстротою, чтобы въ произношеніи они были равны одному третьему, такъ какъ и по ходу рѣчи мысль въ одиночномъ членѣ должна быть энергичнѣе при краткомъ выраженіи. При этомъ самый лучший, но вмѣстѣ и самый рѣдкій метръ бываетъ тамъ, гдѣ простая половина, противопоставленная двухчленной, заключаетъ въ себѣ все таки два отгѣпка и метрически разщепляется на два сокращенныхъ члена. Напримѣръ, 2 Сам. 1. 22.

Отъ крови раненныхъ, отъ тука воиновъ,
Не отступалъ лукъ Іонафановъ,
Мечъ Сауловъ не возвращался отъ нихъ.

Такимъ образомъ здѣсь весь стихъ можетъ заключать только одно предложеніе, трудное сочетаніе котораго смягчается тѣмъ, что два какіе либо члена даютъ еще метръ повторенія, по формулѣ $\underline{ab}c$ или $a\underline{bc}$. Напримѣръ:

Что шумятъ народы
И племена задумали несбыточное
Противъ Іеговы и Помазанника Его?

Или: Тысяча лѣтъ въ очахъ Твоихъ,
Какъ день вчерашній, когорый прошелъ,
Какъ ночная стража.

Ис. 2, 1. 2. 11, 2. 23, 3. 27, 11. 48, 12. 62, 11. и проч.
Но особенно замѣчательнъ подобный метръ въ Суд. 5, 12:

Не было судей во Израилѣ, не было,
Пока не возстала я, Деввора,
Пока не возстала я, мать Израиля.

Наконецъ полнота образовъ и мыслей можетъ такъ разшириться въ сознаніи поэта, что онъ бываетъ вынужденъ въ танцъ двухъ соотвѣствующихъ членовъ вставлять третій членъ, хогя совершенно чуждый, но на сколько выдерживающій внутрѣнный тактъ танца мысли, что дисгармонія при этомъ не замѣчается, какъ при неожиданномъ явленіи дактиля между трохеями. Напримѣръ, abc

Я буду внимателенъ къ пути непорочному,—

Придти бы только къ Тебѣ—

Буду ходить въ чистотѣ сердца въ домъ Твоемъ.

Подобные случаи возможны даже тогда, когда первый и третій члены образуютъ одно нераздѣльное предложеніе. Такъ:

Пс. 43, 6. Твои острыя стрѣлы—

Да надутъ народы предъ Тобою!—

Пронзятъ сердце враговъ царя.

γ) Гдѣ въ этомъ не равномъ совокупленіи сопоставляются не два самостоятельныхъ, но силѣ совершенно равныхъ предложенія, но гдѣ три члена легко склоняются одинъ къ другому, тамъ, наконецъ, всѣмъ имъ можетъ противопоставиться новымъ совокупленіемъ особенный членъ, малый по объему, но по значенію служащій противовѣсомъ всѣмъ прежнимъ членамъ, уже образовавшимъ между собою соединеніе, такъ что два неравныхъ совокупленія будутъ здѣсь держать балансъ одного равнаго. Здѣсь возможны два случая 3 : 1 и 3 : 2. Первый равенъ abc d и abc d, т. е. одночленная половина можетъ стоять въ началѣ или въ концѣ; остальные связанные три члена образуютъ уже сами по себѣ легкій танцъ, раздѣляясь на неравные поло-

вины, изъ которыхъ одна имѣетъ два члена, а другая одинъ; обоимъ эимъ половинамъ, взятымъ какъ одинъ элементъ, противопоставляется еще одиначный членъ, дающій высшій цѣльный метръ всему аккорду. Напримѣръ:

a b c d: Помилуй мя, Боже, помилуй мя,

Потому что къ тебѣ обращена душа моя

И въ тѣнь крылъ Твоихъ я ухожу,

Пока проходить опасность.

a b c d:

Не уклонится сердце мое въ мысль злую,

Къ дѣлацію дѣлъ беззаконныхъ,

Съ людьми поступающими неправедно;

Нѣтъ, не вкушу сладостей ихъ.

Чго касается формулъ $2:2:1$, или $1:2:2$, которыя можно бы видѣть наримѣръ въ Пс. 11, 4:

Игова! во храмѣ святости Своей,

Игова.... въ небѣ престолъ Его,

Глаза Его усмотрятъ,

Рѣшницы Его испытаютъ

Сыновъ человѣческихъ;

то такое построене было бы неправильно, потому что, при ближайшемъ разсмотрѣнии, формула $2:2:1$ будетъ равна $2:3$, при чемъ 3 будетъ всегда равно $2:1$, а $2=1:1$; такимъ образомъ обѣ эти части могутъ разсматриваться какъ самостоятельные метры. Далѣе формула $1:3:1$ если бы она и была возможна, не могла бы стоять прочно, потому что въ ней пятый членъ постоянно спорилъ бы съ первымъ за самостоятельность, от-

чего страдало бы единство стиха, и едва ли встрѣчается въ Библии подобное построение. Наконецъ совершенно невозможно поставить стихъ по формулѣ $1 : 4$ или $4 : 1$, потому что слишкомъ неравныя половины не могли бы выдерживать взаимнаго равновѣсія.

3) Наконецъ очень замѣчательно явленіе, что многочленный стихъ, послѣ того какъ онъ образовался вполнѣ, можетъ снова преобразоваться посредствомъ особенныхъ новыхъ соединеній (*zusammenziehung*). Еврейское стихообразование, свободно переходя всѣ возможности, заканчиваетъ ихъ тѣмъ, что два члена, по смыслу тѣсно связанные между собою, могутъ построиться въ одинъ длинный членъ, такъ что отсюда происходитъ совершенно новый родъ *длиного* метра, въ которомъ членъ можетъ обнимать вмѣсто трехъ обыкновенныхъ словъ: подлежащаго, сказуемаго и связки, двойное количество словъ, доходить до 10 и 11 слоговъ. Необходимымъ слѣдствіемъ сего является простой, разговорный характеръ рѣчи, болѣе речитативъ, чѣмъ пѣсня. Впрочемъ, этотъ произволъ въ строеніи стиха ограничивается тѣмъ, что вмѣсто двухъ первыхъ членовъ можетъ стоять одинъ длинный только въ началѣ пѣсни, гдѣ свѣжій еще голосъ можетъ выдержать подобное тягучее теченіе звуковъ. Послѣ такого неумѣреннаго длиннаго члена, метръ далѣе восполняется слѣдованіемъ двухъ обыкновенныхъ членовъ во второй части, и такимъ образомъ все строеніе стиха установится въ формулѣ $A (=ab): cd$. Напримѣръ:

2 Сам. 1, 21. Горы Гилбоа! ни росы ни дожди на васъ и ваша
поля цвѣтуція,
Потому что тамъ упалъ щитъ героя,
Щагъ Саула не намазанный масломъ.

Рѣдко при этомъ такому длинному члену противопоставляется одинъ обыкновенный, какъ A с:

Пс. 18, 12. Онъ сдѣлалъ изъ мрака убѣжище, какъ па-
латку около Себя,
Изъ водъ глубокихъ, облаковъ густыхъ.

Что такой свободный стихъ только въ позднее время постепенно отвоевывалъ себѣ мѣсто въ еврейской поэзіи, видно изъ того, что его вовсе нѣтъ въ до-Давидовской поэзіи Исх. 15. Суд. 5. Но уже въ пѣсняхъ Давида замѣтна наклонность къ подобному разговорному метру, а послѣ Давида онъ встрѣчается часто.

Во второй половинѣ метра такой длинный членъ встрѣчается рѣдко; напр. въ Пс. 19, 8—11 стихи расположены по формулѣ АВ; въ Пс. 17, 14 по формулѣ АВс, причемъ АВ=авс.—Накопецъ весь стихъ можетъ состоять изъ АВС, такъ что длинный членъ можетъ имѣть мѣсто и въ третьей строкѣ. Такъ`

Притч. 30, 4. Кто восходитъ на небо и нисходитъ, и собираетъ вѣтры въ пригоршни свои,
Кто связываетъ воды въ полѣ одежды и устанавлиетъ всѣ предѣлы земли,
Какъ имя Ему и какъ имя Сыну Его, знаешь ли ты?

Послѣдній метръ переходитъ уже вполне въ разговорную рѣчь; его можно встрѣчать въ пророческихъ и драматическихъ рѣчахъ. По всѣмъ другимъ слѣдамъ (?) онъ принадлежитъ позднему времени.

4. Таковы послѣднія границы библейскаго стиха! Но, если, не смотря на всю свободу построения стиха, развиваемая мысль не успѣетъ заключиться въ стихѣ, послѣ того какъ онъ достигъ своей послѣдней мѣры, ее можетъ поднять и продолжить слѣдующій стихъ, который, и не начинаясь новымъ предложениемъ, требуетъ тогда высокаго и сильнаго произношенія перваго члена. Напримѣръ:

Пс. 96, 12. Возрадуются поля и все что въ нихъ,
Всѣ деревья лѣса восторжествуютъ,

— — ст. 13. Предъ Іеговою, когда Онъ придетъ,
 Когда Онъ придетъ судить землю.
 Судить вселенную въ правдѣ.

Впрочемъ, только позднѣйшіе (?) поэты, безъ особенной нужды со стороны содержанія, раздѣляютъ одно предложеніе въ нѣсколько стиховъ какъ Пс. 83, 7. 8. Большею частію только отѣнки одной и той же мысли могутъ проходить чрезъ многіе стихи, ослабѣвая съ каждымъ новымъ членомъ и вновь возвышаясь съ каждымъ новымъ стихомъ. Пс. 8, 4 - 9. Такимъ образомъ образуется даже полный *метръ многихъ стиховъ* тѣмъ, что одинъ изъ членовъ перваго стиха повторяется въ дальнѣйшемъ стихѣ. Напримѣръ:

Пс. 18, 13. 14. Отъ блеска взора Его
 Сторопились облака,—
Градъ и горящіе уголья!
 И возгремѣлъ съ небесъ Іегова,
 Всевышній подалъ голосъ Свой,—
Градъ и горящіе уголья!

Ср. Пс. 38, 12. Плач. 1, 9. 11. Пс. 143, 8. 9.

Вообще подвижной метръ библейской поэзіи *безконечно разнообразенъ* (unendlich mannigfach), такъ какъ онъ стоитъ въ зависимости отъ живыхъ внутреннихъ движеній чувства, и поному подробное описаніе его въ сущности невозможно.

Вотъ основныя формулы, въ которыхъ, по Евальду, располагаются въ стихахъ указаные имъ выше виды параллелизма или метра мысли. Не можемъ скрыть, что выборъ стиховъ и ихъ формулировка, взятые отдѣльно сами по себѣ, сдѣланы здѣсь мастерски, такъ мастерски, что можно бы затрудниться найти здѣсь слабыя стороны, невыдерживающія нападеній, еслибы не выдалъ себя самъ Евальдъ своимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, что разясняемое имъ метрическое построеніе стиховъ *безконечно*

разнообразно, какъ безконечно разнообразна волнующаяся чело-
вѣческая мысль и чувство. Если сличимъ это замѣчаніе съ исход-
нымъ пунктомъ Евальдова изслѣдованія, что коренная особенность
поэзіи состоитъ въ томъ, что въ ней слова и предложенія выби-
раются и ставятся не какъ попало, подобно прозѣ, а по извѣ-
стному закону и порядку; то мы поймаемъ Евальда въ непро-
ходимомъ противорѣчіи, потому что *безконечно разнообразное*,
какъ такое, есть именно рѣшительная противоположность опредѣ-
ленному закону и порядку. Такимъ образомъ *безконечно разно-*
образное построеніе стиховъ, въ отношеніи къ расположенію ихъ
предложеній, показываетъ, что ветхозавѣтные поэты не въ слѣд-
ствіе какихъ либо поэтическихъ условій разставляютъ части рѣчи,
а по тѣмъ простымъ универсальнымъ требованіямъ, какимъ слѣдо-
вало и слѣдуетъ все мыслящее и чувствующее человечество, въ
своихъ словесныхъ выраженіяхъ. Отсюда понятно, какое вообще
могутъ имѣть значеніе указаные Евальдомъ не многіе случаи
видимой искусственности и закономерности въ построеніи стиха.
Выванные изъ *безконечнаго разнообразія*, эти случаи могутъ
быть сравниваемы только съ тѣми, дѣйствительно замѣчатель-
ными, но необыкновенно рѣдкими, явленіями, какія представляетъ
природа въ сходствѣ фізіономій, поразительномъ при общемъ ихъ
разнообразіи, но не существующемъ для науки.

Войдемъ однакожъ въ болѣе близкое разсмотрѣніе выстав-
ленныхъ Евальдомъ формулъ? Уже на первомъ шагу читатель,
знакомый съ общими положеніями Евальда о библейской поэзіи,
поражается формулою *одночленного* стиха 1 : 0. Берите какую
угодно возможность къ объясненію такого метра. Можетъ быть
въ немъ основныя элементы метра, повышеніе и пониженіе скрытно
связаны вмѣстѣ въ одномъ предложеніи? Но тогда это будетъ
такъ называемый у Евальда тупой, но двучленный метръ, дающій
форму 1 : 1, а не 1 : 0. Можетъ быть, вслѣдствіе сильнаго вол-
ненія въ поэтѣ, метръ могъ иногда прерваться на одномъ повы-

шеніи, такъ сказать захлебнуть поэта и оставить на слѣдующій моментъ безъ движенія? Но Евальдъ говоритъ именно противное, что одночленный стихъ бываетъ въ началѣ длинной рѣчи, пока еще не расправилось вполне поэтическое чувство, или въ самомъ концѣ ея, при охлажденіи чувства. Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, какъ допускаетъ самъ Евальдъ, такой стихъ склоняется на движеніе сосѣдняго стиха и отъ него заимствуется недостающимъ элементомъ? Но въ такомъ случаѣ второй членъ будетъ подразумѣться всегда какъ *неизвѣстный*, не данный прямо, но все же существующій; такимъ образомъ выйдетъ формула $1 : Z$ неизвѣстное а не $1 : 0$. Остается одно предположеніе, что такіе стихи, въ сравненіи съ другими, не суть стихи въ собственно поэтическомъ смыслѣ и принадлежать прозѣ. Но какимъ образомъ въ одной и той же пѣсни можно различать между стихами не — стихи, т. е. въ стихотворной рѣчи прозаическую, хотя-бы то въ самомъ началѣ или въ самомъ концѣ пѣсни? Этихъ противорѣчій, по крайней мѣрѣ отчасти, Евальдъ избѣгалъ бы, если бы дѣйствительно существующіе одночленные стихи, слѣдуя принятому имъ раздѣленію видовъ параллелизма, не придерживаясь акцентуаціи, называлъ тупымъ метромъ, раздѣляющимъ одно короткое предложеніе на двое. Но ему хотѣлось видѣть въ цифрѣ новое подтвержденіе другаго своего положенія метръ, замыкающемъ въ себѣ движеніе и покой. Евальдъ не усмотрѣлъ, что формула $1 : 0$ своею пустотою на мѣстѣ втораго члена пародируетъ ею теорію движенія и покоя, вдыханія и выдыханія.

Противоположность одночленнымъ представляютъ у Евальда стихи *болѣе чѣмъ двухчленные*. Такого рода стихи образуются, по Евальду, двумя путями: а) разширеніемъ двухчленныхъ стиховъ и б) соединеніемъ ихъ. *Разширеніе* стиховъ, возможное при метрѣ повторенія, сводится къ формулѣ $1 : 1 : 1$. Но эта формула не довольно ясно развита у Евальда. Такъ какъ сущность метра есть повышеніе и пониженіе, то разширеніе метра должно

бы совершиться или въ первомъ членѣ или во второмъ, или въ обоихъ вмѣстѣ; въ первомъ случаѣ могла бы быть формула $1 \div Z : 1$, во второмъ $1 : 1 \div Z$ въ третьемъ $1 \div Z : 1 \div Z$. Во всякомъ случаѣ библейскій метръ не терялъ бы общаго характера повышеній и пониженій. Между тѣмъ у Евальда является здѣсь какой-то патологическій рядъ выдыханій, изъ которыхъ каждое опредѣленно не связывается съ какимъ-либо другимъ членомъ, хотя вмѣстѣ взятые онѣ представляютъ одно цѣлое. Но какимъ образомъ, далѣе, возможенъ метръ въ подобномъ построеніи? Стоять ли второй и третій членъ самостоятельными пониженіями перваго члена, или пониженіе идетъ постепенно, такъ что второй членъ, будучи пониженіемъ перваго, есть повышеніе для третьяго, во всякомъ случаѣ второй и третій члены должны бы, вопреки опредѣленію Евальда въ этомъ случаѣ, постепенно смягчаться и укорачиваться; иначе ихъ невозможно произнести однимъ выдыханіемъ, какъ и самъ Евальдъ замѣтилъ, что въ некоторыхъ случаяхъ этотъ метръ исчезаетъ въ разговорномъ характерѣ рѣчи. Последнее обстоятельство, что формула $1 : 1 : 1$, свойственная исключительно метру повторенія, ведетъ къ упадку поэтического элемента рѣчи, будетъ вообще говорить противъ того, что въ повтореніи мысли можетъ заключаться какой либо поэтический моментъ; если разъ взятое полное созвучіе мысли можетъ быть поразительно для слуха и давать высшую внутреннюю гармонію и танецъ мысли; то отчего дважды взятое подобное созвучіе не увеличиваетъ гармоніи, а часто, напротивъ, разрушаетъ ее. Наконецъ Евальдъ ошибся, что подобное разширеніе не можетъ обнимать *четыре* членовъ. Вотъ примѣръ противнаго:

Ис. 65, 11. Ты напаяешь борозды земли,
Ты равниешь глыбы ся,
Ты размягчаешь ее дождями,
Ты благословляешь ее произрастеніями.

*

Если не придерживаться мазоретскаго раздѣленія стиховъ, то подобный метръ можетъ обнимать цѣлыхъ шесть повтореній съ равнымъ числомъ синонимовъ и эквивалентовъ. Именно:

Пс. 19, 89. Законъ Іеговы совершенъ, радость души,
Свидѣтельство Іеговы вѣрно, наставленіе не-
разумныхъ,
Повелѣнія Іеговы праведны, веселіе сердца,
Заповѣдь Іеговы свѣтла, просвѣщеніе очей,
Страхъ Іеговы чистъ, пребывающій во вѣки.
Суды Іеговы истины, праведные вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, допустивши метрическую формулу мысли 1: 1: 1, Евальдъ долженъ былъ допустить и дальнѣйшія безвидныя разширенія, какъ 1: 1: 1: 1 и вообще 1: 1: n и n .

Если разширеніе метра у Евальда приводитъ къ ослабленію поэтическаго элемента; то *соединеніе* метровъ Евальдъ считаетъ средствомъ его возвышенія. Отличіе соединенія отъ разширенія метровъ не объяснено у него однакожъ надлежащимъ образомъ. Если соединеніе метровъ подозрѣвается въ тѣхъ обширныхъ стихахъ, гдѣ есть соединеніе различныхъ предложеній; то это произвольное основаніе, потому что, какъ мы видѣли, одинъ изъ употребительнѣйшихъ первичныхъ простыхъ метровъ, именно метръ средній, заключаетъ въ себѣ, независимо отъ всякаго соединенія метровъ, разнородныя предложенія. Отчего же не допустить, что метры, названные Евальдомъ сложными чрезъ совокупленіе различныхъ метровъ, могли образоваться путемъ разширенія средняго простаго метра, какъ только что разсмотрѣнный нами метръ образовался разширеніемъ метра повторенія? Дѣйствительно ли выведенныя здѣсь формулы не могутъ быть поставлены въ болѣе простомъ видѣ? Первая формула: 2: 2 или $\overbrace{a b c d}$ состоитъ въ томъ, что второй членъ повторяетъ первый, четвертый третій, но всѣ они развиваютъ одно предложеніе. Такъ какъ повтореніе у Евальда представляетъ

отличительную особенность метра, образовавшагося расширеніемъ; то почему не допустить, что и здѣсь второй членъ вышелъ изъ расширенія перваго, а четвертый изъ расширенія третьяго, т. е. вмѣсто формулы $2 : 2 \text{ ad } \underline{c d}$ принять $1 : 1 : 1 : 1$ или $\underline{a b c d}$. Та или другая формулировка здѣсь повсе безразличны, потому что формула расширенія, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ органическому развитію мысли изъ себя самой. тогда какъ метръ соединенія позволяетъ предполагать механическое сплеченіе мыслей. Дѣло въ сущности представляется здѣсь въ такомъ видѣ. Предположимъ, что у поэта возникъ первоначальный метръ мысли такого содержанія:

Въ скорби я воззвалъ къ Іеговѣ,
Изъ чертоговъ своихъ Онъ услышалъ меня.

Чтобы возвысить *обаяніе*, производимое этикъ основнымъ построеніемъ, поэтъ дѣлаетъ его сложнымъ; а для этого изобрѣтаетъ другой параллельный метръ, напимѣръ:

Я возопилъ къ Богу моему,
Мой вопль вошелъ во уши Его,

и вставляетъ этотъ послѣдній аккордъ въ первый, повышение къ повышенію, пониженіе къ пониженію и такимъ образомъ является слѣдующій сложный метръ:

Въ скорби я воззвалъ къ Іеговѣ,
Возопилъ къ Богу моему;
Изъ чертоговъ своихъ Онъ услышалъ меня,
Мой вопль вошелъ во уши Его.

Если бы дѣйствительно было возможно подобное механическое образованіе стиха, (а иначе его нельзя представлять, потому что тогда онъ не будетъ соединеніемъ разныхъ метровъ); то его можетъ быть и можно было бы назвать совокупленіемъ (въ смыслѣ внѣшняго дѣйствія), но этимъ самымъ его поэтическое обаяніе убивалось бы безслѣдно. Намъ всегда казалось страннымъ, когда

между видами параллелизма мы встрѣчали у экзегетовъ особый родъ расположенія членовъ съ перестановками, въ которомъ якобы третій членъ стоитъ на мѣстѣ втораго, такъ что такимъ образомъ, въ полномъ объемѣ стиха, третій членъ составляетъ продолженіе перваго а четвертый втораго. Мы знаемъ только одинъ законъ развитія и хода мысли, законъ естественной логики и послѣдовательной ассоціаціи. Сущность этого закона состоитъ въ томъ, что между мыслями существуетъ взаимное притяженіе, дѣйствующее на *безконечно малыхъ разстояніяхъ*. Двѣ мысли, весьма близкія между собою, могутъ быть такими только въ томъ случаѣ, если онѣ непосредственно примыкаютъ одна къ другой; если же онѣ раздѣлены какою либо третьей стороннею мыслию, то связь между ними теряется и происходитъ невыносимая для мышленія пертурбація рѣчи, напоминающая дисгармонію въ музыкѣ. Что подобный безпорядокъ въ мысли древнѣйшіе въ мірѣ поэты могли намѣренно возвести на степень художественной метрической формы, мы отказываемся понимать. Тѣ не многія мѣста Библии, переходящія отъ толкователей къ толкователямъ, которыя обыкновенно приводятся въ примѣръ подобныхъ пертурбацій мысли, въ сущности ничего подобнаго не представляютъ. Самъ Евальдъ ссылается при этомъ только на Пс. 18, 16:

И видны стали русла водъ,
И обнажились основанія вселенной,
Отъ угрозы Твоей, Іегова,
Отъ дуновенія вѣтра поздрей Твоихъ.

Хотя Евальдъ не приводитъ этого текста по своей цитатѣ, но, такъ какъ въ отношеніи къ приведенному мѣсту споровъ не существуетъ, то, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать, что Евальдъ читалъ его иначе. Спрашивается же, чѣмъ третій членъ обнаруживаетъ здѣсь особенное сродство именнѣ съ первымъ, а четвертый съ вторымъ, чтобы можно было утверждать, что здѣсь переставлены члены? Уже скорѣе четвертый членъ здѣсь отвѣ-

часть первому, какъ дуновение вѣтровъ отвѣчаетъ разливу воды во многихъ мѣстахъ Библии. Очевидно, что пѣвецъ безъ всякихъ искусственныхъ намѣреній слѣдуетъ здѣсь данному теченію мысли, и двѣ послѣднія строки представляютъ вообще вторую часть большого предложенія, первая половина котораго стоитъ въ первыхъ двухъ строкахъ. Тоже нужно сказать и о примѣрахъ подобнаго метра, приводимыхъ другими толкователями. Напримѣръ Сарши приводитъ Втор. 32, 21:

Они раздражали Меня не Богомъ,
Болванами своими огорчали Меня;
И Я раздражу ихъ не народомъ настоящимъ,
Ничтожнымъ народомъ огорчу ихъ.

Заальшутцъ приводитъ Ис. 33, 13. 14:

13. Съ небесъ смотреть Іегова,
Видить всѣхъ сыновъ человѣческихъ;
14. Съ сѣдалища Своего назираетъ
Всѣхъ живущихъ на земли.

Ис. 2, 7. Полна земля его серебра и золота,
И нѣтъ конца сокровищамъ его;
Полна земля его коней,
И нѣтъ конца колесницамъ его.

Въ этихъ, и во всѣхъ подобныхъ, мѣстахъ нѣтъ основанія находить какую либо другую связь членовъ, кромѣ связи непосредственной послѣдовательности. Если писатель говоритъ: «они раздражали меня поклопеніемъ не Богу, а идолами своими огорчали меня»; или: «полна земля серебра, такъ что нѣтъ счета сокровищамъ»; то, очевидно, онъ имѣлъ въ виду выставить въ ближайшемъ соотношеніи именно эти двѣ мысли. Если же слѣдующіе два члена, выражающіе другую мысль, или ту же самую, повторяютъ словесные оттѣнки первыхъ двухъ строкъ; то это вовсе не какая либо поэтическая хитрость, а простой законъ необходимости, по

которому человекъ, высказывая близко подобныя мысли облегчаетъ себя употребленіемъ однихъ и тѣхъ же словъ и предложений, дѣлающихся въ данной рѣчи основными. Оттого подобныя построенія можно встрѣчать вездѣ, во всѣхъ прозахъ и поэзіяхъ, вовсе не основывающихся на параллелизмѣ мыслей. Напримѣръ Гёте:

Ach wer bringt die schönen Tage,
Iene Tage der ersten Liebe!
Ach wer bringt nur eine Stunde,
Iener holden Zeit zurück!

или Жуковскій: За чѣмъ душа въ далекій край стремится,
Все ищетъ дней, какихъ ужъ нѣтъ!
Пустынный край не населится,
Не воротитъ минувшихъ лѣтъ!

или еще Державинъ: Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.

Кромѣ того, иди послѣдовательно, нужно бы допустить дальнѣйшія разширенія мысли съ подобнымъ метромъ, потому что, послѣ перваго подобнаго повторенія мыслей, можетъ слѣдовать такое же точно третье, четвертое и т. дал. Напримѣръ:

Ис. 63. 13. 14. Вотъ рабы Мои будутъ ѣсть,
А вы будете голодны;
Вотъ рабы Мои будутъ пить,
А вы будете томиться жаждою;
Вотъ рабы Мои будутъ радоваться,
А вы будете краснѣть отъ стыда,
Вотъ рабы Мои будутъ пѣть въ вос-
торгѣ сердца,
А вы будете стонать отъ скорби сердца...

Слѣдую пріягому численію метровъ мысли. нужно допустить, что здѣсь второй членъ стоитъ на мѣстѣ третьяго, пятый на мѣстѣ шестаго и т. д. и что, слѣдовательно, для правильнаго чтенія нужно отдѣлять здѣсь всѣ четные члены отъ нечетныхъ. Но какъ подобнаго разщепляющагося метра и самъ Евальдъ не допускаетъ, потому что здѣсь мысль наглядно обрасываетъ съ себя всякія поэтическія условія и метрическія ограниченія; то и вообще метръ съ перестановкою членовъ не существуетъ въ поэзи и въ особенности въ библейской.

Отвергая, такимъ образомъ, совокупленіе равныхъ метровъ, мы еще болѣе далеки отъ принятія не равныхъ соединеній, по формулѣ 2 : 1 или 1 : 2, abc abc. Такъ какъ изъ предполагаемыхъ здѣсь двухъ соединяющихся метровъ одинъ равный 1 : 0, т. е. состоящій изъ одного члена, не возможенъ; то нечего говорить и объ его дальнѣйшихъ соединеніяхъ. Не видно ни какой причины, по которой нельзя было бы формулу 2 : 1 считать простымъ разширеніемъ средняго параллелизма.—Евальдъ не забылъ здѣсь и случаи употребленія вводнаго предложенія abc, дѣйствительно представляющихъ соединеніе разнородныхъ мыслей, а не ихъ гармоническое развитіе; но такіе случаи въ самой прозѣ считаются наиболѣе тяжелыми и трудными и по возможности избѣгаются. Приведенныя же Евальдомъ библейскія мѣста съ вводными предложеніями сами по себѣ недовольно ясны и могутъ быть переведены прямою рѣчью безъ вводнаго предложенія. Что касается дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ, соединеній метровъ; то о нихъ нечего распространяться. Если не возможна метрически формула abc или abc, то тѣмъ болѣе невозможны abcd или abcd 3 : 1 или 1 : 3. Развѣ можетъ какая либо груда три предложенія во всей ихъ цѣлости выдохнуть такъ, чтобы онѣ давали моментъ произношенія равный одному предложенію? Одно существова-

ніе въ Библии подобныхъ стиховъ, съ такою независимою простою и свободою въ движеніи мысли, разрушаетъ всякую теорію метра предложеній. Между тѣмъ, вопреки Евальду, въ Библии встрѣчаются стихи еще болѣе широкіе и своеобразныя, соответствующіе, наиримѣрь, формулѣ $2 : 1 : 2$ или abcde. Напримѣръ:

Пс. 27, 9. Не скрой отъ меня лица Твоего,
Не отрынь во гнѣвъ раба Твоего;
Будь помощникомъ моимъ!
Не отвергни меня, Боже,
Не оставь меня, Спаситель мой.

Наконецъ послѣдній метръ, указываемый Евальдомъ, съ длинными предложеніями. самъ Евальдъ признаетъ близкимъ къ разговорной прозѣ, и потому непоэтическимъ.

И такъ ни въ одномъ изъ указанныхъ Евальдомъ видовъ расположенія предложеній въ стихахъ нельзя указать какихъ либо особенныхъ, чисто поэтическихъ, отношеній, возвышающихся надъ прозою. А если къ этому прибавимъ, что эти выставленные формулы теряются среди *безконечнаго разнообразія* другихъ отношеній; то самое послѣднее представленіе о метрѣ предложеній исчезнетъ.

Между тѣмъ Евальдъ продолжатъ дальнѣйшее развитіе своей теоріи въ приложеніи къ болѣе сложнымъ единицамъ — *строфамъ* пѣсней. Если каждый стихъ библейскій, состоящій изъ повышенія и пониженія, представляетъ отдѣльное цѣлое; то, съ другой стороны, онъ служитъ только однимъ звеномъ въ группахъ стиховъ, или строфахъ. Образованіе строфъ, также какъ и образованіе стиховъ, Евальдъ выводитъ непосредственно изъ метра мысли; слѣдствіемъ этого служитъ то, что строфы не имѣютъ у него вышней, собственно поэтической, закономерности въ раздѣленіяхъ, даже той, какая имъ замѣчается въ построеніи отдѣльныхъ стиховъ. Число строфъ въ пѣсни, по Евальду, можетъ быть весьма различно,

хотя самое обыкновенное дѣленіе пѣсни есть дѣленіе на *три* строфы, соответственно тремъ основнымъ моментамъ въ движеніи мысли. высшая форма котораго слагается изъ строфы, антистрофы и эпода. тезиса, антитезиса и синтеза. При этой основной логической формѣ, всѣ другія дѣленія пѣсни являются какъ ближайшія и отдаленнѣйшія отклоненія отъ нея. Точно также и отдѣльныя строфы, хотя могутъ имѣть различное число созвучій, т. е. единицъ, сложенныхъ изъ простаго или сложнаго повышенія и пониженія (отъ одного до двѣнадцати созвучій); но самая обыкновенная строфа, соответственно закону движенія мысли, имѣетъ *три* созвучія, между которыми второе или третье можетъ имѣть *три* члена.

Въ частности у Евальда различаются слѣдующіе главные виды строфодѣленія: 1 строфы равномерно ниспадающія и равномерно возрастающія. а) Равномерно *ниспадающія* строфы представляютъ *печальныя* пѣсни. Глубокое потрясеніе чувства въ скорби не можетъ долго себя выдерживать, и, если при этомъ тезисъ, или первая строфа, можетъ быть слишкомъ напряженнымъ и длиннымъ, то уже вторая строфа, или антитезисъ будетъ почти въ три раза меньше тезиса, а эподъ или заключительная строфа еще меньше. Вотъ на примѣръ Евальдово раздѣленіе строфъ въ печальной пѣсни Давида на смерть Саула и Ионафана 2 Сам. 1, 19—27.

1.

19. Каменный тарапъ израиль, пораженъ на высотахъ твоихъ,
О какъ пали герои!
20. Не рассказывайте въ Гафѣ,
Не возвѣщайте на улицахъ Аскалона,
Чтобы не радовались дочери филистимлянъ,
Чтобы не торжествовали дочери не обрѣзанныхъ.
21. Горы Гилбоа! ни росы, ни дожди на васъ и ваши поля
цвѣтушія,

- Потому что тамъ поверженъ щить героевъ,
Щить Саула, не намазанный масломъ.
22. Отъ крови раненныхъ, отъ тука воиновъ,
Не отступалъ лукъ Ионафановъ,
Мечъ Саула не возвращался назадъ.
23. Саулъ и Ионафанъ любившіеся и дружные при жизни,
И въ смерти не разлучные,
Быстрѣйшіе всѣхъ орловъ, сильнѣйшіе львовъ!..
24. Вы дочери Израиля плачьте о Саулѣ,
Одѣвавшимъ васъ въ пурпуръ,
Клавшимъ золотыя украшенія на одежды ваши.

2.

25. О какъ пали герои среди сраженія,
Ионафанъ сраженъ на высотахъ твоихъ!
26. Жаль мнѣ тебя братъ мой Ионафанъ!
Любъ ты былъ мнѣ очень,
Дороже любви женской, была мнѣ любовь твоя.

3.

27. О какъ пали герои,
Погибли и орудія брани.

Такимъ образомъ объемъ строкъ въ приведенной пѣсни представляетъ отношенія 6 : 2 : 1 или опредѣленіе 18 : 5 : 2.

3) Равномѣрно *возрастающія* строфы представляютъ пѣсни *благодарственные* и *веселія*. Выходя изъ совершенно спокойнаго духа, такая пѣснь дѣлаетъ свой тезисъ короткимъ, потому что только постепенно радость охватываетъ человѣка, и кончается продолжительными и громкими восклицаніями, какими печальная пѣснь начинается. Напримѣръ Пс. 30 представляетъ отношенія между объемомъ строкъ въ формулѣ 1 : 4 : 7.

— 545 —

1.

2. Превозиошу тебя Іегова, потому что Ты исхитилъ меня,
И не далъ врагамъ моимъ порадоваться обо мнѣ.

2.

2. Іегова Богъ мой!
Я воззвалъ къ Тебѣ и Ты исцѣлилъ меня.
4. Іегова! Ты вывелъ изъ шеола душу мою,
Оживилъ меня, чтобы я не сошелъ въ могилу.
3. Пойте Іеговъ праведники Его,
Славьте свитое имя Его,
6. Потому что на мгновеніе гнѣвъ Его,
Всю жизнь благоволеніе Его;
Вечеромъ придетъ плачь, а утромъ будетъ торжество.
- 3.
7. И думалъ было въ счастіи своемъ:
«Не поколеблюсь никогда».
8. Іегова! по благоволенію Своему Ты нѣкогда укрѣпилъ гору
мою;
Ты сокрылъ лице Свое, и я смутился,
9. И къ Тебѣ, Іегова, началъ взывать,
Предъ Іеговою изливаться:
10. «Что пользы въ крови моей,
Въ томъ, что сойду въ могилу?
Будетъ ли славить Тебя прахъ,
Возвѣщать истину Твою?
11. Услышь меня Іегова и помилуй меня,
Іегова! будь мнѣ помощникомъ».
12. И Ты перемѣнилъ сѣтованіе на ликованіе,
Снялъ съ меня рубище

И препоясая меня свѣтло.

13. И такъ буду пѣть Тебѣ неумолчно,

Иегова Богъ мой!

Во вѣки буду славить Тебя.

Сравни. Пс. 45, представляющій у Евальда отношенія 2 : 5 : 10 или по членамъ 5 : 10 : 20.—Больше трехъ строфъ ни восходящія ни нисходящія псалмы не представляютъ.

2. Совершенно спокойная мысль три своихъ основныхъ шага дѣлаетъ равномѣрно, такъ что тезисъ, антитезисъ и заключеніе бываютъ *равны*. Это самое употребительное, и вмѣстѣ самое прекрасное раздѣленіе пѣсни, вполне соответствующее греческому раздѣленію на строфы, антистрофы и эподы. Въ примѣръ этого совершеннаго раздѣленія у Евальда приведена пѣснь Іоны 2, 3—10.

Въ скорби моей я воззвалъ къ Іеговѣ, и Онъ услышалъ
меня,

Изъ пѣдръ шеола я взмолился и Онъ вынулъ голосу моему!..
Ты бросилъ меня глубоко въ сердце моря и теченія охва-
тили меня,

Прибой волнъ Твоихъ проходили надо мною,
Такъ что я думалъ, что удаленъ на всегда съ очей Твоихъ.
Но...я увижу еще храмъ святой Твой.

Воды проникли меня до души въ пронасти, охватив-
шей меня,

Тростникъ обмотался на головѣ моей,
Къ подошвамъ скалъ я спустился,
Затворы преисподней замкнулись было на всегда для меня.
Но....Ты вывелъ изъ могилы жизнь мою,
О Іегова Богъ мой!..

Когда затмилась было уже душа моя во мнѣ, я вспом-
 нилъ Іегову,
 И молитва моя попеслась къ Тебѣ, въ храмъ святой Твой.
 Кто надѣется на заги пустыя, тѣ небрегутъ своимъ
 счастьемъ,
 А я съ молитвою благодаренія принесу жертву Тебѣ,
 Исполню обѣты, которые далъ.
 У Іеговы спасеніе!...

Довольно созершенное раздѣленіе представляютъ также *четыре* равнобѣрныхъ строфы, такъ напримѣръ въ Пс. 3. 12. 1 Сам. 2, 1—10 и проч.

Если классически спокойная мысль движется тремя или четырьмя большими равными ступенями; то болѣе живая разнородная но спокойная мысль можетъ быть выражена *многими равными* строфами. Напр. пѣснь Ис. 14, 4—23 представляетъ отношенія членовъ въ строфахъ 7 : 7 : 7 : 7 : 7. Такимъ образомъ постепенно пѣснь переходитъ въ разговорную рѣчь особенно въ рѣчахъ книги Іова и сочиненіяхъ Соломона.

3. Наконецъ возможны случаи *неравнаго* раздѣленія строфы безъ постепеннаго ниспаденія и возрастанія. Это зависитъ отъ того, что α) совершенно спокойная мысль, требующая равныхъ дѣленій, вначалѣ бываетъ невеликолюбі рѣшительна, оттого *первая* строфа можетъ быть *короче* дальнѣйшихъ. Пс. 32 и 38 даютъ отношенія 2 : 3 : 3 : 3. β) Иногда наоборотъ, при равныхъ строфахъ пѣсни, *последняя* можетъ обнаруживать отливъ мысли и сокращеніе объема, какъ въ греческихъ пѣсняхъ эпода иногда отличается краткостію отъ двухъ предшествующихъ частей; напр. Пс. 90 даетъ отношенія 6. 6 : 5 Пс. 17=6 : 6 : 3, Іова гл. 28=10 : 10 : 6. Сокращеніе послѣдней строфы иногда отражается и на предпослѣдней, напримѣръ: Пс. 36-й=4 : 4 : 3 : 1. γ) Наконецъ иногда соединяется въ одной пѣсни сокращеніе начальной

и заключительной строфы, напр. Ис. 4-й=1 : 4 : 3.—Все другіе случаи возможнаго неравенства не встрѣчаются въ Библии.

Мы не споримъ, что эта библейская строфика у Евальда можетъ расположить читателя въ свою пользу механическою соразмѣрностію и паружнымъ порядкомъ, тѣмъ не менѣе ее нужно отвергнуть, потому что она стоитъ на ложномъ началѣ — метрикѣ мысли. Въ основѣ Евальдова дѣленія строфъ лежитъ *силлогизмъ съ своими тремя частями* или *посылками*. Такъ какъ силлогизмъ можетъ идти различными путями, то и различныя части его могутъ имѣть различный объемъ. Идя отъ универсальнаго къ частному факту, силлогизмъ постепенно сокращаетъ объемъ своихъ частей; при обратномъ движеніи къ общему и важнѣйшему, части силлогизма постепенно разрастаются. Вотъ въ сущности основаніе, на которомъ держится приведенная нами строфологія. Если Евальдъ мотивируетъ свои три возрастающихъ и ниспадающихъ члена движеніемъ чувства, возрастающаго вмѣстѣ съ нѣсцію въ радости и ниспадающаго въ скорби, то этимъ онъ вводитъ ничѣмъ неоправдываемую теорію чувствованій. Радость и печаль вообще различаются только качественно, а не количественно; та и другая могутъ имѣть различныя степени энергіи, идти crescendo или diminuendo; та и другая въ полной силѣ бываютъ равно весьма стремительны и даже невыдержимы. Такимъ образомъ теорія движенія различнаго рода чувствъ слабо прикрываетъ у Евальда ораторскій силлогизмъ, какъ мѣру поэтическаго движенія большихъ частей пѣсни. 1) Это ходъ мысли спеціально греческій. Это не та общечеловѣческая логика силлогизмовъ, которую можно встрѣчать при каждомъ мышленіи и въ которой моменты силлогизма бываютъ скрыты, такъ что рѣчь представляетъ свободное и равное теченіе. Напротивъ, греко-римскіе ораторы, занятые больше формою, чѣмъ содержаніемъ, старались, при всякомъ случаѣ, обнажать этотъ внутренній законъ мысли видимыми внѣшними раздѣленіями. Но подобныхъ экспрессивныхъ раздѣленій не

представляет никакую другую народную рѣчь. Мы увидимъ далѣе, что у древнѣйшихъ народовъ силлогизмы именно скрывались въ совершенно другомъ движеніи мысла. 2) Такое силлогистическое раздѣленіе свойственно только рѣчамъ ораторскимъ и философскимъ. Если оно встрѣчается у грекоримскихъ поэтовъ, то потому только, что философія, или лучше, схоластика ничего не выпускала у грековъ изъ подъ своего вліянія, и греческіе поэты были въ тоже время философами и риторамъ. Во всякомъ случаѣ нужно было пройти продолжительное школьное образованіе, чтобы пѣсню укладывать въ силлогизмъ. 3) Какой *танцъ* мысли нашелъ Евальдъ въ трехчастномъ дѣленіи на строфы? Прежде всего, эта новая мѣра стоитъ въ противорѣчій съ прежнею мѣрою метра, состоящею изъ двухъ частей, вдыханія и выдыханія. повышенія и пониженія. Естественно было ожидать, что и новое, болѣе крупное, дѣленіе будетъ выходить изъ той же единицы, т. е. что строфы будутъ связываться по двѣ, а не по три. Самая сущность повышеній и пониженій здѣсь въ основаніи нарушена, напримѣръ, въ возрастающемъ ходѣ строфъ. Далѣе, тезисъ, антитезисъ и синтезъ, въ взаимныхъ между собою отношеніяхъ, если представляли, въ глазахъ Евальда, какой либо метръ, то этотъ метръ самъ же Евальдъ выше назвалъ *среднимъ* метромъ, между тѣмъ какъ полный метръ состоитъ въ *повтореніи*. Чтобы быть послѣдовательнымъ, Евальдъ долженъ былъ признать *параллельные* ряды строфъ въ пѣсни, а не тезисы, антитезисы и заключенія. Наконецъ, взятое само по себѣ, число *три*, около котораго обращается раздѣленіе пѣсни,—такъ что по мѣрѣ отступленія отъ него рѣчь терлеть, по Евальду, поэтический характеръ,—выбрано весьма неудачно. У вѣхъ народовъ большинство пѣсней всегда имѣютъ *чѣтное* число строфъ, такъ какъ пѣсни у древнихъ, какъ извѣстно объ индійцахъ египтянахъ, свреяхъ, и друг., пѣлись обыкновенно двумя хорами, а раздѣленіе строфъ дѣлалось всегда въ интересахъ музыки и пѣнія исключительно. 4) Раздѣленіе

строфъ дѣлается у Евальда очень свободно. Мы нарочно привели сполна его нѣсколько примѣровъ, чтобы видѣть произволъ въ его дѣленіи. Напримѣръ, большая первая строфа пѣсни 2 Сам. 1, 19—27, вопреки опредѣленію Евальда о ея пераздѣлимости, можетъ быть раздѣлена по содержанію на новыхъ три части, по два стиха въ каждой, и т. д. Болѣе точны у Евальда только равномѣрные дѣленія пѣсней на строфы.

Остаиваясь такъ долго на теоріи Евальда, мы имѣли въ виду *α)* показать до какой высокой степени утонченности дошла въ новѣйшее время давняя мысль о *поэтическомъ параллелизмѣ членовъ* библейскаго стиха и *β)* сдѣлать по возможности нагляднымъ, чрезъ разсмотрѣніе этой высшей формы между теоріями параллелизма, что въ смыслѣ метрической формы поэзіи, какъ рѣшь мысли, *параллелизмъ предложений не возможенъ и не существуетъ*.

Но, если и не имѣть въ виду отдѣльныхъ попытокъ со стороны толкователей выяснить и систематизировать гипотезу поэтическаго параллелизма, къ какимъ страпнымъ положеніямъ и къ какимъ неблагопріятнымъ результатамъ должно повести одно общее предположеніе о параллельныхъ членахъ мысли вообще и въ частности о параллельныхъ членахъ въ Библии. Точно понимая математическій терминъ: *параллель, параллельный*, мы должны перевести выраженіе: *параллельные члены* или строки чрезъ: *члены, нидѣ не встрѣчающіеся между собою*. Такъ какъ толкователи, употребляя терминъ «параллельные члены», никогда не дѣлали и не дѣлаютъ никакихъ ограниченій; то понятіе *параллельный* мы должны понимать именно въ этомъ строгомъ математическомъ смыслѣ. Правда, допустивши такое общее начало, толкователи раздѣляютъ полный и не полный параллелизмъ, но это уже противорѣчіе, котораго здѣсь нѣтъ возможности

извинить, тѣмъ болѣе, что сами толкователи обыкновенно не говорятъ ни слова въ его разъясненіе. Параллелизмъ существуетъ только одинъ и, строго говоря, никакіе отдѣльные виды здѣсь невозможны; члены, параллельные себѣ, не могутъ встрѣчаться ни какою отдѣльною чертою; что встрѣчается какимъ либо образомъ, (какъ напр., Евальдовъ средній и тяжелый параллелизмъ), это уже не параллельно. Далѣе, что параллельно вообще, то параллельно въ каждой отдѣльной части и незначительное взаимное наклопеніе линий между собою въ одномъ мѣстѣ уничтожаетъ всякое представленіе о параллелизмѣ. Такимъ образомъ, когда говорится вообще, что пѣснь написана параллельными членами; то этимъ самымъ отнимается право пѣкоторые стихи среди пѣсни (обыкновенно большую часть пѣсни) исключать изъ общихъ условій и требованій параллельности, или смягчать эти условія и требованія. Одно изъ двухъ: или параллельные члены представляютъ сущность еврейской поэзіи, въ такомъ случаѣ не вполнѣ параллельные члены или не существуютъ или представляютъ микроскопическія исключенія, о которыхъ нельзя говорить наравнѣ съ правиломъ; или же параллельные члены представляютъ случайное явленіе въ библейской поэзіи, въ такомъ случаѣ они сами въ отношеніи къ поэзіи не заслуживаютъ вниманія. Пусть же теперь представитъ себѣ читатель, какую бездну противорѣчій вырываютъ подъ собою толкователи, признающіе параллелизмъ сущностію древнееврейской поэзіи и въ огромномъ большинствѣ случаевъ обходящіе эту сущность. Мало того, Евальдъ признался даже, что параллелизма, въ полномъ смыслѣ выраженія, нѣтъ нигдѣ въ Библии; такимъ образомъ признанная сущность библейской поэзіи оказывается сущностію не существующею, т. е. положительное, универсальное А равно полю. Но пойдемъ далѣе.

Представьте себѣ подчиненнаго закону параллелизма пѣвца въ моментъ его вдохновеннаго творчества. Для большей наглядности представьте себѣ развитіе мысли подъ чувственнымъ обра-

*

зомъ растяженія нитки изъ клубка. Какимъ образомъ возможно будетъ здѣсь искусство параллельнаго движенія мысли? Можно мыслить здѣсь два теченія: а) двѣ дѣйствительно отдѣльныя не встрѣчающіяся нити мысли, или б) одно зигзагообразное движеніе, при которомъ крайнія точки зигзаговъ, соединенныя между собою прямыми линіями по ту и другую сторону, дають двѣ параллели. Для перваго случая нужно опять предположить двѣ возможности: будетъ ли это одна мысль, поглотившая все сознаніе безраздѣльно, но развивающаяся двумя параллельными ходами, или же въ сознаніи пѣвца возникаютъ двѣ отдѣльныя общія мысли, готовыя къ независимому движенію по двумъ, хотя одного направленія, но особымъ путямъ? Первая мыслимая здѣсь возможность есть физическая невозможность, потому что изъ одной точки двѣ параллельныя не бываютъ. Вторая возможность, что въ сознаніи пѣвца разомъ stanno двѣ мысли, параллельныя въ самомъ корѣ, исчезаетъ и дѣлается также невозможностію предъ возникающимъ здѣсь дальнѣйшимъ вопросомъ: будутъ ли эти мысли сходныя или несходныя. Если онѣ сходны, то, при своемъ одновременномъ существованіи, онѣ исчезали бы для сознанія одна въ другой, т. е. были бы одною мыслию. Если онѣ не сходны, то единство и цѣльность человѣческаго сознанія неудержитъ ихъ одновременно на одной линіи; мысли будутъ тѣснить одна другую и становиться одна за другою, т. е. образуютъ только одну, болѣе или менѣе прямую, нить. Такимъ образомъ двѣ отдѣльных нити мысли не могутъ быть представлены. Возьмемъ другой случай, что въ параллельныхъ членахъ идетъ одно движеніе, только не непрерывно прогрессивное, а зигзагообразное, т. е., какъ говоритъ Евальдъ, при каждомъ новомъ шагѣ дѣлающее *полуоборотъ назадъ*. Не говоримъ уже, что въ такомъ случаѣ поэтическое искусство было бы какимъ-то тормазомъ живой мысли, а не ея высшимъ проявленіемъ, — возможна ли тогда какая либо органическая связь между мыслями? Тамъ, гдѣ дѣлается шагъ назадъ,

т. е. гдѣ мысль даегъ себя, въ одной и той же формѣ, два раза непосредственно, тамъ въ сущности будетъ пустота въ организмѣ мысли и перерывъ въ ея движеніи, т. е. безжизненные отрицательные моменты. Такимъ образомъ и предположеніе одного движенія мысли, перебывающей съ каждой данной точки, или каждаго новаго шага, на соотвѣтственную точку другой параллельной линіи, образуемой соединеніемъ отклоненій мысли отъ своего прямого пути, также не сообразно съ достоинствомъ и общимъ психологическимъ движеніемъ мысли. И, вообще говоря, параллельное построеніе членовъ мысли, понятное по принятымъ теоріямъ, при ближайшемъ обсужденіи его, производитъ впечатлѣніе механическаго, канцелярскаго искусства секретарей, диктующихъ писцамъ одновременно различные доклады.

Обращаясь къ практической почвѣ, мы здѣсь встрѣчаемся съ очень серьезнымъ вопросомъ, вызываемымъ гипотезою параллелизма: если въ Библии не слово, а мысль подчиняется поэтическому закону и рѣшительно отъ него зависитъ, то какъ читать и понимать поэтическія и пророческія книги Ветхаго Завета? Если чрезъ пѣсню, или вообще поэтическое произведеніе, стихи идутъ параллельными членами, то, какъ ясно слѣдуетъ изъ общаго понятія о параллелизмѣ по Евальду и другимъ толкователямъ, каждая пѣснь состоитъ изъ двухъ параллельныхъ движеній мысли, или изъ двухъ отдѣльных пѣсней, и, слѣдовательно, далѣе, когда идетъ дѣло о содержаніи собственно, читатель вынужденъ слѣдить такую пѣснь черезъ строку: начать первую строкою и продолжать третью, пятую, седьмую, вообще всѣ строки нечетныя, или начать второю и читать одиѣ строки четныя. По видимому, это особенно позволительно было бы дѣлать въ настоящее время, когда вкусъ къ древнимъ видамъ поэзіи потерявъ и когда имѣются въ виду не столько внѣшнія формы св. Писанія, сколько его содержимое. Такимъ образомъ, если искавъ поэзіи въ движеніи мысли библейской, цѣлая половина Библии исчезаетъ, или лучше изъ одной Библии дѣлается

двѣ параллельныхъ и равныхъ въ отношеніи къ содержанію. Въмѣстѣ съ тѣмъ многіе догматическіе стихи пророческаго содержанія теряютъ значеніе, если приложить къ нимъ гипотезу параллелизма. Напримѣръ:

Быт. 3. 15. Вражду положу между тобою и женою
Между сѣмемъ твоимъ и Ея.

Если второй членъ не есть новый шагъ мысли, а только поэтический кругъ, описываемый мыслию около себя самой; то это мѣсто перестанетъ имѣть значеніе догматическое, перестанетъ быть первоевангеліемъ нашей религіи.

Ис. 33, 6. Словомъ Іеговы утверждены небеса
И Духомъ устъ Его все воинство ихъ.

По гипотезѣ параллелизма это мѣсто не можетъ быть доказательствомъ троичности Лицъ въ Богѣ, такъ какъ во второмъ членѣ выраженіе *Духъ* будетъ только поэтически повторять выраженіе *Слово*.

Іер. 23, 5. Во дни Его (Мессіи) спасется Іуда
И Израиль пребудетъ въ надеждѣ.

Можно ли допустить, что обѣтованіе касается здѣсь израильскаго царства, если собственное имя во второмъ членѣ явилось для того только, чтобы образовать поэтический противовѣсъ первому собственному имени?—Тоже самое нужно сказать о безчисленныхъ другихъ мѣстахъ догматическихкихъ и пророческихъ.

Хотя большинство толкователей скрываютъ эти практическія заключенія изъ гипотезы параллелизма, и даже иногда сами читаютъ и толкуютъ Библію независимо отъ своихъ началъ параллелизма; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ болѣе послѣдовательными толковниками и догматиками, что, съ принятіемъ параллелизма, какъ метрической формы древнееврейской поэзіи, въ Ветхомъ Завѣтѣ не останется почти догматическаго мѣста.

Между тѣмъ, что подобнаго отношенія къ параллелизму не было въ древнѣйшія времена, это ясно доказываетъ уже вся догматика, которая не могла бы явиться въ своемъ нынѣшнемъ составѣ подѣ влияніемъ теоріи параллелизма, какъ поэтической формы рѣчи.—Для того чтобы видѣть, какъ много содержанія теряетъ всякая пѣснь, при подобномъ понятіи параллелизма, приводимъ въ примѣръ первый псаломъ, въ раздѣленіи на два отдѣльные псалма, такъ что первыя половины всѣхъ стиховъ образуютъ одинъ псаломъ, а вторыя другой.

I.

1. Блаженъ, кто не ходитъ на совѣщанія нечестивыхъ,
2. Но въ законѣ Іеговы желаніе его.
3. Онъ тоже что дерево, посаженное при потокахъ водъ.
4. Не такъ нечестивые...
5. Посему не устоятъ нечестивые на судѣ,
6. Потому что знаетъ Іегова путь праведныхъ.

II.

1. Кто на пути грѣшныхъ не стоитъ,
2. Но въ законѣ Его обращается мыслию днемъ и ночью,
3. Онъ — *дерево*, приносящее плодъ во время свое, котораго листъ не вянетъ.
4. Онъ (?) какъ полова, которую уноситъ вѣтеръ.
5. Грѣшники *не устоятъ* въ собраніи праведныхъ,
6. И путь нечестивыхъ погибнетъ.

III.

1. Кто въ ~~кругу~~ пересмѣшниковъ не сидитъ,
2. Во всемъ, что ни дѣлаетъ, успѣетъ.

Очевидно, что, при такомъ раздѣленіи параллельныхъ членовъ псалма, не только ослабѣваетъ мысль, но даже смыслъ теряется.

Такъ какъ каждый членъ здѣсь представляетъ частные случаи, взаимно себя дополняющіе, а не повторяющіе; то съ отдѣленіемъ полустишія онѣ и сами не даютъ вполне ясныхъ мыслей и не показываютъ надлежащаго отношенія къ другимъ. Стихъ 4-й даетъ цѣльную мысль только въ соединеніи обоихъ членовъ, раздѣленіе которыхъ извращаетъ ходъ рѣчи. Стихъ 5-й представляетъ слѣдствіе 4-го (al-ken *поэтому*) и именно той части 4-го стиха, которая падаетъ на второе полустишіе: такимъ образомъ первая половина 5-го стиха можетъ стоять только послѣ второй половины 4-го. — Нужно замѣтить при томъ, что 1-й Псаломъ представляетъ еще сравнительно больше повтореній, чѣмъ можно встрѣчать въ другихъ псалмахъ. Обыкновенно же большая часть членовъ стиховъ стоятъ между собою въ отношеніи причинъ и слѣдствій, положеній и противоположеній, т. е. образуютъ Евальдовъ средній метръ, и потому, при раздѣленіи, подобномъ сдѣланному нами въ 1-мъ псалмѣ, будутъ представлять положительную бессмыслицу.

Итакъ, будемъ ли смотрѣть съ теоретической или съ практической точки зрѣнія, параллелизмъ мысли, въ смыслѣ поэтическаго метра, долженъ быть признанъ *неоправданною и ложною гипотезою*. Лица, слѣдившія за библейско-истолковательною нѣмецкою литературою новѣйшаго времени, знаютъ, что неудовлетворительность гипотезы параллелизма прежде насъ, хотя въ неопредѣленныхъ и общихъ положеніяхъ, и была высказана де-Ветте ¹⁾ (Comment. zu Psalmen

¹⁾ Man fasst aber den Parallelismus der Glieder zu eng, wenn man ihn bloss und allein in das Ebenmass der Gedanken Setzt. Was will man mit den haufigen Stellen anfangen, wo dieses durchaus fehlt, wo die Gedanken weder durch Gleichheit, noch Gegensatz, noch Synthese einander entsprechen? Der Parallelismus der Glieder ist auch zu einer blossen *ausseren rhythmischen* Form ausgebildet worden, so wie der Reim. — Man war an das Ebenmass gewohnt, und liess sich daher bisweilen den

s. 54. Aufl. 4). Мейеромъ ¹⁾ (die Form der Hebräischen Poesie s. 16 и дал.) и Гамбургеромъ (Real-Encyclor. fur Bibel und Talmud IV. 837). По ни де-Ветте, ни Мейеръ, ни Гамбургеръ не старались развитъ своихъ положеній и, отрицая поэтическое происхожденіе параллелизма мысли, не давали никакихъ положительныхъ началъ въ его объясненіе. Между тѣмъ гипотеза поэтического параллелизма окончателъно падеть только тогда, когда будетъ указанъ другой возможный способъ происхожденія того, что нынѣ принято называть параллелизмомъ, потому что видимо повторяющіеся члены, хотя не такъ часто, какъ многіе полагаютъ, во всякомъ случаѣ существуютъ.

И такъ чѣмъ объясняется явленіе параллелизма?

Для того, чтобы мы могли ориентироваться въ предложенномъ вопросѣ, необходимо принять предварительно во вниманіе слѣдующіе неопровержимые факты:

1. Независимо отъ поэтическихъ книгъ Ветхаго Завѣта, параллелизмъ встрѣчается во всѣхъ прозаическихъ *историческихъ* книгахъ Ветхаго Завѣта, начиная съ книги Бытія. Напримѣръ:

Быт. 2, 2. И скончилъ Богъ въ день седьмый дѣла, кото-
рыя дѣлалъ,
И почилъ въ день седьмый отъ дѣлъ, которыя
дѣлалъ.

freiern, losern Inhalt gefallen; ohnehin musste das ewige Gleich und Entgesetzen Dichter und Hörer ermüden. Wir nennen diesen Parallelismus den *rhythmischen*, weil er bloss in der Form der Rede liegt.

¹ Sodann ist es entschieden falsch jenen Parallelismus der Glieder für die Form der hebräischen Poesie zu erklären. Es ist in der Exegese ein grosser Missbrauch mit dieser Kategorie getrieben worden, indem man alle lyrischen und rhetorischen Ausdrucksweisen auf jenes Gleichmass der Glieder oder Gedanken zurückführen wollte. Man unterscheidet daher einen einfachen und zusammengesetzten Parallelismus. All diese Unterscheidungen sind nach unklaren Gefühlen entworfen und erkünstelt.

- Быт. 2, 5. Прежде чѣмъ какой либо кустъ полевой появился
на землѣ,
Прежде чѣмъ какой либо злакъ полевой выросъ.
- Быт. 4, 6. Отчего печаленъ ты,
И отчего унало лице твое?
- Быт. 12, 3. Я благословлю благословляющихъ тебя,
Я прокляну проклиняющихъ тебя.
- Быт. 25, 23. Два народа во чревѣ твоємъ
И два племени изъ утробы твоей выйдутъ,
Племя племя пересилить
И старшій младшему послужить.
- Быт. 27, 29. Да послужать тебѣ народы,
Да поклонятся тебѣ племена;
Будь владыкой братьямъ своимъ,
Пусть кланяются тебѣ сыны матери твоей.
- Быт. 37, 8. Развѣ царемъ ты будешь царить надъ ними,
И владыкой будешь владѣть нами?..
- р. Быт. 22, 12. 17. 27, 39—40. 37, 34. 41, 27. 28 и мн.
ругія мѣста во всѣхъ другихъ прозаическихъ св. книгахъ.

2. Очень много стиховъ съ параллельными членами встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ, написанномъ прозою и на греческомъ, не еврейскомъ языкѣ, Напримѣръ:

- Матѣ. 10, 26. Пѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы
И тайнаго, что не было бы узнано.
- Иоан. 3, 6. Рожденное отъ плоти—плоть
И рожденное отъ духа—духъ.
- Иоан. 6, 35. Приходящій ко Мнѣ не взалчетъ
И вѣрующій въ Меня не вжаждетъ.

Іоан. 3, 20. Беякій, дѣлающій зло, не навидитъ свѣтъ
И не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились
дѣла его;
А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту,
Чтобы явны были дѣла его...

Римл. 9, 2. Великая для меня печаль
И скорбь сердцу моему непрестанная.

Римл. 11, 12. Паденіе ихъ—богатство міру
И оскудѣніе ихъ—богатство язычникамъ.

Римл. 11, 33. Неиспытанны судьбы Его
И неизслѣдованы пути Его.

2 Кор. 6, 2. Вотъ нынѣ время благопріятное,
Вотъ нынѣ день спасенія.

1 Кор. 10, 1. Отцы наши всѣ подѣ облакомъ были,
Всѣ сквозъ море перешли,
Всѣ въ Моисея крестились
Во облакѣ и въ морѣ....

— — — Вразумляя всякаго человѣка
И уча всякаго человѣка.

Апок. 22, 11. Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду,
Печистый пусть еще сквернится;
Праведный пусть еще дѣлаетъ правду
И святой пусть еще святится.

Апок. 22, 17. Жажущій пусть приходитъ
И желающій пусть беретъ воду жизни.

и проч. и проч.

3. Параллелизмъ встрѣчается у всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ, даже тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную просодію звуковъ. А) Архитектоическій складъ *египетскихъ* надписей

представляет полную аналогію параллелизму библейскому. На-
примѣръ о царѣ Сиеѣ (Sethos) говорится:

Сѣкира твоя вознеслась надъ тронами всѣхъ чужихъ
странъ,

Мечемъ твоимъ прободены князья чужеземные.

Сезостризъ посвящаетъ обелискъ богу Ра словами:

Сынъ солнца, дающій людямъ жизнь,
Царь—солнце, дарованный людямъ свыше,
Вѣчно живущій и дающій людямъ жизнь,
Тотъ, кто самъ есть жизнь людямъ,
Посвящаетъ памятникъ богу жизни.

О Рамсесѣ III-мъ одна надпись во дворцѣ урочища Медиветъ-
Габу говоритъ:

Царь подобенъ льву,
Горный ревъ его потрясаетъ равнину.
Козы трепещутъ предъ быкомъ,
Враги бѣгутъ предъ героемъ.
Всадники его произають непріятеля,
Его кони летятъ какъ ястребы.
Онъ несетъ весь край на мощныхъ чреслахъ,
Духъ солнца дышетъ въ сильныхъ членахъ его.

Чистый народъ разрастается въ сіяніи лучей его,
Множится мужами и женами.

Господинъ силы разливаетъ жизнь, подобно солнцу,
Краса его сіять надъ страной, подобно солнцу.

Или вогъ еще мѣсто изъ надписи, вырѣзанной на тѣлѣ большаго
жука—скарабея, прочитанное Ретомъ:

Геій небесный исходитъ на битву,
Богъ солнца свершаетъ свой путь, расчищая про-
странство;

Лучезарное течеть по-небу солнце,
Проливая свѣтъ, свершаетъ теченіе....

Этотъ безспорный параллелизмъ египетскихъ надписей привелъ даже одного изъ изслѣдователей, нѣкоего Ружэ (Révue contemporaine, 1856, стр. 399) къ заключенію, что еврейскій параллелизмъ въ первый разъ сдѣлался извѣстенъ въ поэзіи во время Моисея, заимствовавшаго эту метрическую форму, метръ мысли, у Египтянъ. Но это мнѣніе справедливо отвергается у Фюрста (Geschichte der biblischen Literatur B. I. S. 447) и Евальда (Allgemeines über die hebr. Dichtung, S. 14, 15). Еврейская поэзія въ своихъ основныхъ формахъ древнѣе Моисея и, кромѣ того, первичныя народныя формы поэзіи вообще никогда не бываютъ снимками съ другихъ поэзій, въ смыслѣ намѣреннаго искусственнаго подражанія.

В) *Индійцы*, какъ извѣстно, имѣютъ особенный звуковой метръ (слова), независимый отъ рима мысли и состоящій въ томъ, что стихъ слагается изъ двухъ половицъ, изъ которыхъ въ первой исключительно считается только количество слоговъ, а во второй соблюдается послѣдовательный рѣзмъ долгихъ и короткихъ. Такимъ образомъ рѣзмъ мысли, или параллелизмъ членовъ, здѣсь не долженъ встрѣчаться, потому что, по принятому общему правилу, рѣзмъ мысли представляетъ противоположность обыкновенной просодіи звуковъ. Между тѣмъ въ Ведахъ нерѣдко встрѣчается самый разнообразный параллелизмъ, не смотря даже на ихъ эпическое содержаніе. Напримѣръ:

Боги, дайте намъ слышать благое ушами нашими,
Дайте, вѣчные, видѣть благое очами нашими,
Чтобы прожить намъ богодарованную жизнь,
Чтобы славить васъ крѣпкими членами и тѣлами.

Или: Будь у тебя, Индра, сто небесъ и земель, онѣ не об-
нимутъ тебя,

Даже тысячѣ солнцъ не обнять тебя, громовержець,
Всему бытію не обнять тебя, всѣмъ мірамъ не обнять.

Или: Дни за днями слѣдуютъ чредой,
Смѣняются другъ другомъ времена года;
Все имѣетъ долю въ жизни,
Старшіе смѣняются младшими.

Или: Какъ строилось прекрасное зданіе (земля)
Когда положена ему основа?
Когда Висвакарма создалъ землю,
Раскинулъ своды неба?
Единый, онъ создалъ небо рукою,
Сотворилъ землю ногою.
Скажите, мудрые, кто наибольшій надъ мірами,
Кто всѣмъ имъ вождь великій?
Господь святаго звука Висвакарма,
Быстрый какъ полеть мысли!
Да внемлетъ онъ этой мольбѣ,
Да подастъ намъ защиту и счастье.

С) *Китайцы*, отличающіеся между всѣми народами необык-
новенною бережливостію слова и мысли, и имѣющіе свой осо-
бенный метръ, состоящій въ томъ, что каждая строка строится
изъ равнаго числа односложныхъ словъ, и нѣсколько строкъ
связываются вмѣстѣ однозвучною римою, имѣютъ параллелизмъ
членовъ и главнымъ образомъ параллелизмъ средній, состоящій
изъ сравненій, проходящихъ часто чрезъ всю вѣсню, такъ что,
читая однѣ нечетныя строки, получаемъ здѣсь развитіе образа

изъ внѣшней природы, а въ строкахъ чѣтныхъ найдемъ чувство, мысль или истор. фактъ. Напримѣръ:

Всѣ персики съ дерева попадали, остается на немъ только
семь,
Кто ищетъ счастья, будь внимателенъ не прозѣвать-бы.

Всѣ персики съ дерева попадали, остается на немъ только три,
Кто ищетъ счастья, не мѣшкай, спѣши, торопись.

Всѣ персики съ дерева попадали, не осталось на немъ
ни одного,
Кто ищетъ счастья, тотъ и убирай все какъ знаешь.

Или: Ахъ какъ высоко надъ нами небо!

А нельзя стоять подъ нимъ—гнететь.

Ахъ какъ тверда земля подъ нами!

А нельзя ступить по ней—дрожить.

В) Что касается народовъ европейскихъ, то ихъ отношеніе къ параллелизму достаточно можно будетъ видѣть, если мы представимъ здѣсь примѣръ нѣмецкаго и русскаго параллелизма. Не смотря на то, что народная *нѣмецкая* поэзія имѣетъ особенную просодію, параллелизмъ членовъ здѣсь весьма частъ. Напримѣръ, изъ Sigurdrefumal:

2. Lengi ek svaf,
Lengi ek sofnudh var.

3. Heil dagr,
Heilir dags synir.

Независимо отъ народной поэзіи, міровые поэты Германіи также пользуются подобною параллельною постановкою строкъ, впрочемъ только тамъ, гдѣ рѣчь имѣетъ простой, разговорный характеръ. Напримѣръ Гете, Mailled:

Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur!
Wie glänzt die Sonne,
Wie lacht die Flur!
Es dringen Blüten
Aus jedem Zweig
Und tausend Stimmen
Aus dem Gesträuch и проч.

Еще чаще этот разговорный параллелизм встречается у Шиллера. Напримѣръ его Idealen:

So willst du treulos von mir scheiden
Mit deinem holden Phantasien,
Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden,
Mit allen unerbittlich fliehn?
Kann nichts dich, Fliehende, verweilen,
O meines Lebens goldne Zeit?
Vergebens! Deine Wellen eilen
Hinab in's Meer der Ewigkeit.
Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt,
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunkne Herz geschwellt,
Er ist dahin der süsse Glaube
An Wesen, die mein Traum gebar,
Der rauhen Wirklichkeit zum Raube,
Was einst so schön, so göttlich, и проч.

Е) Наконецъ весьма богатый параллелизмъ можно встрѣчать въ каждой нашей народной былинѣ и пѣсни. Вотъ пара примѣровъ.

Народная пѣснь про смерть царя Ивана Васильевича (1584 года).

Ужъ ты батюшка свѣтель мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему:
Изъ за обложка выкатался,
Черной тучей закрываешься?...

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Михайла у Архангела,
У собора у Успенскаго. —
Ударили въ большой колоколъ
Раздался звонъ по всей матушкѣ — сырой землѣ;
Соѣзжались всѣ князья бѣяре,
Собиралися всѣ люди ратные.

Во соборѣ то во Успенскимъ,
Тутъ стоитъ новъ кипарисовъ гробъ.
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Ивацъ Васильевичъ....
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ его царскій вѣнецъ,
Въ ногахъ его вострый грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу каждый кланяется,
На грозный мечъ взглянетъ — всякъ ужъахнется.

Народная пѣснь про тихій Донъ:

Какъ ты батюшка славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонецъ;
А теперъ ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,

Помутился ты съ верху до низу.
 Рѣчь возговорить славный тихій Донъ:
 Ужь какъ-то миѣ все мутну не быть,
 Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
 Ясныхъ соколовъ, донскихъ козаковъ;
 Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
 Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

Независимо отъ нашей народной поэзіи, параллелизмъ можно встрѣчать отчасти у всѣхъ нашихъ поэтовъ до Пушкина, особенно у Державина, Жуковского и Кольцова.

4. Наоборотъ многія, безспорно поэтическія, пѣсни и отдѣлы самаго Ветхаго Заѡта не имѣютъ параллелизма. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, книга «Плачь», баснь Іонафана Суд. 9, 8—15, признаваемая обыкновенно за прозаическій отрывокъ, но имѣющая равномѣрное строфическое раздѣленіе, свойственное исключительно поэзіи, параболѣ Нафана 2 Сам. 12, 1—4 и многія мѣста книги Когелетъ.

5. Съ другой стороны не рѣдко въ пророческихъ и поэтическихъ книгахъ Ветхаго Заѡта можно встрѣчать излишній, съ точки зрѣнія рима мысли, параллелизмъ, когда, напримѣръ, одна и таже мысль, переступая черезъ стихъ, повторяется во всей пѣсни. См. Псаломъ 29-й, повторяющій почти въ каждой строкѣ выраженіе *голосъ Іеговы*, съ различными эпитетами.

6. Полнота библейскаго параллелизма, какъ вѣрно опредѣляетъ Евальдъ, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ древности книги или пѣсни: чѣмъ древнѣе пѣснь, тѣмъ параллелизмъ ея совершеннѣе, а тупой параллелизмъ возможенъ только въ позднѣйшее время. Оттого Коранъ Магомета, заимствовавшій много своего содержанія изъ Ветхаго Заѡта, даже вовсе не принявъ параллелизма въ его полныхъ формахъ.

И такъ параллелизмъ есть нѣчто *всеобщее, существующее*,

въ самыхъ различныхъ степеняхъ, у всѣхъ народовъ, какъ въ прозаическихъ ¹⁾, такъ и въ поэтическихъ сочиненіяхъ,—не-

¹⁾ Изъ прозаическихъ сочиненій мы указали только св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта, потому что всѣ первобытные памятники другихъ народовъ принадлежатъ только къ области поэзіи. Впрочемъ о древнерусскихъ *прозаическихъ* памятникахъ можно прибавить, что они, также какъ и былины, имѣютъ параллелизмъ, хотя скрытый. Вотъ, напримѣръ, мѣсто изъ слова Серапіона, епископа Владимірскаго, жившаго во время нашествія татаръ и скончавшагося въ 1275 году. Приводимъ его безъ всякихъ измѣненій, только въ раздѣленіи строкъ, требуемомъ теоріею параллелизма.

Чего не приведохомъ на ся?

Кія казни отъ Бога не воспріяхомъ?

Не плѣнена ли бысть земля наша?

Не взяты ли быша грады наши?

Не скорѣ ли падоша отцы и братія трупіемъ?

Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣны?

Въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ,

И воздыханіе наше сушитъ кости наши.

Разрушены божественныя церкви,

Потоптана быша святая наша.

Плоти преподобныхъ птицамъ повержены быша,

Кровь отецъ и братій, аки вода, землю напои.

Князей нашихъ,

Воеводъ крѣпость исчезе.

Селы наша лядиною поростоша,

Красота наша погибе.

Богатство наше иѣмъ въ корысть бысть,

Земля наша иноплеменикомъ въ достояніе бысть.

Поношеніе быхомъ живущимъ вскрай земли нашея,

Въ подсмѣхъ быхомъ врагамъ нашимъ.

Чтоже подобаеъ намъ творити да злая престануть

Вся, яже томятъ ны?

Помяните написано еже любити другъ друга;

Еже милость любити ко всякому чловѣку;

*

зависимо отъ того будетъ ли поэзія просодическая (т. е. имѣющая какой либо особенный метръ, независимый отъ метра мысли) или не просодическая,—и постепенно исчезающее у всѣхъ народовъ съ развитіемъ аналитическаго движенія мысли, вмѣсто первоначальнаго синтетическаго. Другими словами: параллелизмъ есть обыкновенный древній способъ выраженія мысли всѣхъ народовъ, не только не отличающій поэзію отъ прозы, но именно представляющій нѣчто связывающее между собою древнюю прозу и поэзію.

Если обнажить отъ внѣшнихъ покрововъ слова движеніе и ходъ человѣческой мысли, то окажется, что всякая связь между мыслями есть *связь противоположностей* въ широкомъ смыслѣ этого выраженія. Мыслить значитъ вызывать въ сознаніи тѣ или другія комбинаціи противоположностей, безъ которыхъ, вообще говоря, не мыслимо движеніе. Такими противоположностями, по которымъ идетъ мысль, служатъ: бытіе и небытіе вообще (положенія и отрицанія), явленія внѣшней природы и аналогическія явленія духа человѣческаго (сравненія), самостоятельность и зависимость (причина и слѣдствіе) и т. д. Вообще нельзя указать мыслей, отношеніе между которыми трудно было бы такъ или иначе подвести подъ понятіе противоположности. А такъ какъ для противопоставленія нужны *два* факта, то единицею, опредѣляющею мышленіе, служатъ двѣ связанныя между собою мысли. Несправедливо считаютъ простѣйшею единицею мышленія силлогизмъ въ его *трехъ* членахъ. Силлогизмъ уже сложная единица,

Еже любити ближняго своего аки и себя;
Еже не воздати зла противу злу.
Ничегоже тако ненавидитъ Богъ, яко злупамятива;
Бже речемъ: Отче, остави намъ! а сами не оставляюще.
Въ нюже мѣру мѣрите
Отмѣрять вы ся.

образованная изъ различныхъ противоположностей. Когда я говорю: «всѣ люди умирають, Н есть человекъ, слѣдовательно Н умреть»; то я связываю здѣсь двѣ уже готовыя противоположности: α) человечество какъ родъ и отдѣльное лицо, β) атрибутъ общаго исчезновенія или прекращеніе рода и смерть недѣлимаго. Подобное мышленіе силлогизмами есть искусственное дальнѣйшее построеніе въ области сознанія. Въ періодъ же безыскусственного роста человѣческаго слова и мысли вызываемыя по противоположеніямъ представленія стають одна подлѣ другой въ своей первоначальной непосредственности. Такъ, на примѣръ, приведенный силлогизмъ, по духу древняго образа выраженія, долженъ былъ выразиться приблизительно слѣдующими предложеніями: многіе люди отвѣка существовали на землѣ; Н также существуетъ на землѣ; всѣ существовавшіе на землѣ праотцы умерли; Н существующій на землѣ умреть. Это единицы мышленія, состоящія всегда изъ двухъ моментально вызывающихъ одна другую противоположностей, суть ничто иное, какъ *стихъ изъ двухъ параллельныхъ членовъ*. Такимъ образомъ то, что называютъ обыкновенно поэтическимъ параллелизмомъ, въ сущности есть простой первичный способъ выраженія мысли. Если обыкновенно параллелизмъ опредѣляютъ какъ соединеніе одинаковыхъ, а не противоположныхъ мыслей; то это не болѣе какъ оптический обманъ, потому что сопоставленіе подобнаго и сходнаго въ сущности всегда есть противопоставленіе; если два члена библейскаго стиха говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, то они непременно касаются какихъ либо особенныхъ противоположныхъ свойствъ и дѣйствій; когда же бываютъ тождественныя свойства и дѣйствія, непременно указываются различные предметы и лица. — Ни слова, и при нашемъ взглядѣ, параллелизмъ въ смыслѣ попарнаго возникновенія мыслей, понятій и представленій въ духѣ человека, заключаетъ въ себѣ своего рода риемъ, поколику риемъ чувствуется вездѣ, во всѣхъ явленіяхъ природы и чело-

вѣческаго духа. Но отъ этого естественнаго универсальнаго рѣзма до опредѣленной метрической формы поэзіи такъ же безконечно далеко, какъ отъ перваго звука человѣческаго голоса, заключающаго въ себѣ *implicite* всѣ ударенія и всѣ долгіе и короткіе звуки, до опредѣленнаго тоническаго или метрическаго стопосложенія. Между тѣмъ, тогда какъ первобытное человѣческое удареніе идетъ постепеннымъ развитіемъ до опредѣленнаго поэтическаго метра, параллелизмъ идетъ обратнымъ путемъ. Чтобы найти его въ полномъ развитіи, мы должны обращаться къ первобытнымъ временамъ человѣчества вообще и каждаго народа въ отдѣльности. Съ теченіемъ времени у всѣхъ народовъ этотъ естественный рѣзмъ скрывается, оттого что возникающія въ созваніи противоположности, отъ продолжительной практики мысли, постепенно болѣе и болѣе сближаются между собою, такъ что мысль, вмѣсто прямаго параллельнаго движенія по противоположностямъ, начинаетъ двигаться такъ сказать по *діагонали параллелограмма*. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать: *гибель на языкъ нечестивыхъ, кто слушаетъ ихъ погибнетъ*, мы говоримъ: *совѣты нечестивыхъ пагубны*, т. е. изъ двухъ параллельныхъ предложеній дѣлаемъ одно, стоящее на срединѣ между тѣмъ и другимъ предложеніемъ, но несовпадающее ни съ однимъ изъ этихъ предложеній, взятыхъ отдѣльно. Впрочемъ, въ сущности, всякая человѣческая мысль всегда содержитъ скрытый рѣзмъ параллелизма, и уже на немъ, какъ первоначалѣ всякаго движенія мысли, устанавливается метръ и рѣзмъ поэтическій, имѣющій всегда независимое отъ мысли происхожденіе. Для перваго же взгляда параллелизмъ нашей разговорной и литературной рѣчи непримѣтенъ вслѣдствіе того, что у насъ каждая, даже самая простая, мысль высказывается не въ той нагой непосредственности, въ какой она вызвана въ сознаніи, а въ новой обточенной формѣ, какую даютъ ей прибавляемыя у насъ къ каждому предложенію *частицы*, образующія такую искусственную связь

между мыслями, что для непосредственного взгляда может казаться, что мысли не возникают противоположеніемъ одна *подлѣ* другой, а въ собственномъ смыслѣ вытекаютъ одна *изъ* другой какою-то непонятною эманациею. Только въ патетическихъ мѣстахъ, наша рѣчь сбрасываетъ съ себя періодическія построенія съ частицами и приближается къ параллелизму; такого рода примѣры часто можно видѣть у проповѣдниковъ, не поработанныхъ схоластикою. Но, повторяемъ, и всякая вообще рѣчь, если только обчистить ее отъ періодовыхъ частицъ, обнаружить тотъ же неизбѣжный параллелизмъ. Вотъ, на примѣръ, совершенно прозаическая характеристика Василія Ивановича Шуйскаго изъ исторіи Карамзина:

«Если всякаго вѣнценосца избраннаго судятъ съ большею строгостію, нежели вѣнценосца наслѣдственнаго, если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно; то какія достоинства для царствованія мирнаго надлежало имѣть новому самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клеветовъ, нежели отечествомъ единокрушнымъ? Василій, служившій льстивымъ царедворцемъ у Іоанна, достигнувъ вѣнца, могъ быть только вторымъ Годуновымъ—лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели.... Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожъ разумомъ мужа думнаго и свѣденіями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ. Отличаясь невыходною наружностію и качествами вообще нелюбезными, онъ умѣлъ, какъ вельможа, снискать любовь гражданъ соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обращеніемъ. Если престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность къ легковѣрію и проч.; то престолъ же явилъ для потомства и чрезмѣрную твердость души Васильевой въ борьбѣ съ неодолимымъ рокомъ. Вкусивъ всю сладость державства несчастнаго,

условленнаго властолюбцемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнью, Шуйскій палъ съ величіемъ на развалинахъ государства».

Отбросивъ частицы, связывающія здѣсь періоды и устранивъ грамматическую зависимость однихъ предложений отъ другихъ, получаемъ параллельные члены:

Всякаго царя избраннаго судятъ строже чѣмъ наслед-
ственнаго,

Отъ него требуютъ рѣдкихъ качествъ...

Новый самодержецъ (Шуйскій) возводится на престолъ
клевретами,

Онъ долженъ отличаться великими качествами.

$$\underbrace{a \ b \ c \ d} = 2 : 2.$$

Василій льстивый царедворецъ Іоанновъ,
Василій можетъ быть только лицомъ — Гудуновымъ.

$$\underbrace{a \ b} = 1 : 1.$$

Шуйскій уступаетъ Борису въ государственныхъ даро-
ваніяхъ,

Но Шуйскій славится разумомъ...

Шуйскаго считаютъ волхвомъ. $a \ b \ c = 1 : 2.$

$$\underbrace{\quad}$$

Характеръ и наружность Шуйскаго отталкиваютъ,
Его доступность и храненіе обычаевъ привлекаютъ...

$$a \ b = 1 : 1.$$

Престолъ являетъ слабость въ Шуйскомъ

Престолъ являетъ и его твердость души.... $a \ b = 1 : 1.$

Василій вкушаетъ сладость несчастнаго управленія,

Василій узнаетъ вѣнецъ какъ наказаніе,

Василій падаетъ вмѣстѣ съ государствомъ.

abc = 1 : 1 : 1.

И наоборотъ. стоимъ только древніе параллельные члены об-
ставитъ обусловливающими нашу рѣчь частицами, чтобы изъ
библейскаго стиха образовалась наша обыкновенная проза. На-
примѣръ, *третій псаломъ*, по нынѣшнимъ правиламъ рѣчи, бу-
детъ имѣть такой видъ:

«Хотя много было у меня враговъ, востававшихъ на меня и
утверждавшихъ, что я не найду спасенія отъ Бога; но Іегова
оставался какъ щитъ около меня, былъ моею славою и гордо-
стію. Лишь только я взывалъ къ Богу, Онъ внималъ мнѣ съ
Своей святой горы, такъ что я могъ спокойно ложиться, спать
и вставать, зная, что Іегова ограждаетъ меня, не боясь темъ
народа, ополчившагося противъ меня» и проч.

Исключеніе изъ закона параллельнаго движенія человѣческой
мысли представляютъ *историческія* сочиненія, въ которыхъ мо-
жетъ противопоставляться только одновременность или послѣдо-
вательность фактовъ. Оттого въ историческихъ книгахъ Ветхаго
Завѣта, гдѣ описывается ходъ событій, параллелизмъ не даетъ
себя чувствовать и изложеніе не отличается отъ нашего; но лишь
только историкъ отвлекается отъ параллели въ фактахъ, парал-
лелизмъ логическій немедленно дѣлается снова замѣтнымъ. Всѣ
воззванія, обращенія, рѣчи, приводимыя въ ветхозавѣтной исто-
ріи, основываются на параллелизмѣ. Даже разговоръ, въ кото-
ромъ мысль находитъ свою риемитичеекую противоположность
только въ мысли другаго лица, дающаго отвѣтъ, укладывается
въ параллельные члены, въ томъ смыслѣ, что отвѣтъ, какъ раз-
рѣшеніе вопроса, повторяетъ обнимающее его предложеніе съ при-

бавкою рѣшающаго момента. Вотъ типическій образецъ такого рода вопросовъ и отвѣтовъ:

Іер. 46, 7. Кто это какъ Іоръ подымается,

Подобно потокамъ вздымаетъ воды свои?.

Египетъ какъ Іоръ подымается,

И подобно потокамъ вздымаетъ воды свои.

abcd = 2 : 2.

Но если даже отвѣтъ заключаетъ только одинъ рѣшающій моментъ, безъ яснаго повторенія вопроса, то этотъ послѣдній всегда подразумѣвается въ положительномъ или отрицательномъ видѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что, отвергая параллелизмъ какъ метрическую форму, мы вовсе не имѣли въ виду отвлекать отъ его изученія. Напротивъ, изученіе параллелизма всегда будетъ, по нашему мнѣнію, однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ библейской экзегетики, но для этого онъ долженъ быть разсматриваемъ на дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ началахъ. Намъ кажется, что изученіе параллелизма, въ сферѣ указаннаго нами сейчасъ опредѣленія, и въ соединеніи съ аллитераціею, можетъ повести къ весьма важнымъ результатамъ въ рѣшеніи многихъ вопросовъ священной библіологии, тогда какъ изученіе параллелизма въ смыслѣ метрической формы, во всю свою продолжительную исторію, оставалось бесплоднымъ, стоя въ сторонѣ отъ рѣшенія спорныхъ экзегетическихъ вопросовъ. Но, съ другой стороны, параллелизмъ, понятый нами въ простомъ широкомъ смыслѣ обыкновеннаго прозаическаго древняго образа рѣчи, выдвигаетъ снова вопросъ, составляющій сущность нашего изслѣдованія, впрочемъ, который, при другомъ взглядѣ на параллелизмъ, мы могли бы считать теперь конченнымъ, именно: *въ чемъ состоитъ сущность ветхозавѣтнаго поэтическаго метра?*

*Сущность библейскаго стихометра. Акцентуація полу-
поэтическая и поэтическая. Библейская строфика. Метръ по
различію родовъ сочиненій. Заключение.*

Мы не разъ говорили о ближайшей связи поэзіи съ музыкою. Почти все древніе народы Индійцы, Персы, Арабы, Греки, также какъ нынѣшніе Турки, употребляли только такіе музыкальные напѣвы, которые нераздѣльны были отъ ихъ поэтическаго метра. Не иначе, какъ въ этомъ именно смыслѣ, нужно понимать и извѣстное свидѣтельство Платона, что древніе пѣвцы имѣли всегда предъ глазами одну норму при исполненіи пѣсней, отъ которой не должны были уклоняться. (См. Тр. К. Ак. 1871. Дек. стр. 377). Совершенно несправедливо это свидѣтельство de-la-Fage (Histoire de la musique, t. 1. p. 450) объясняетъ въ томъ смыслѣ, что книжный метръ былъ началомъ всѣхъ музыкальных мелодій народа. Намъ представляется это обстоятельство совершенно въ обратномъ видѣ, потому что прежде чѣмъ, напримѣръ, санскритскій стихъ получилъ окончательную санкцію въ пѣсняхъ Ведъ, напѣвы должны были уже существовать въ народѣ, такъ что, если есть сходство между музыкальными напѣвами и метрическими формами различныхъ народовъ, то это произошло отъ того, что первоначальные поэты въ складкѣ стиховъ всегда поддѣлывались подъ народные музыкальные мотивы. Не даромъ въ Библии нѣтъ слова для обозначенія стихотворнаго метра, но есть много словъ изъ музыкальной терминологіи. Этимъ объясняется также и то, что древнѣйшія литературныя произведенія не только пѣлись, но даже и читались подъ музыку. Что древній пѣвецъ, взявшись за лиру, уже имѣлъ въ виду извѣстный музыкальный напѣвъ, съ которымъ ему нужно было сообразоваться въ составленіи пѣсни, это ясно видно, наконецъ, изъ того, что напѣвовъ всегда бываетъ опредѣленное ко-

личество (у древнихъ даже весьма незначительное), а слова какой-бы ни было мысли удобно могутъ быть подобраны подъ всякую музыку. Такимъ образомъ и боговдохновенные пѣвцы еврейскіе строили свои священные псалмы и пѣсни, спослушествуя еврейскому музыкальному генію, тѣмъ типичнымъ народнымъ напѣвамъ, которые, какъ говоритъ Платонъ, творить народъ нѣкоторымъ божественнымъ искусствомъ (ποιησαι θεία τέχνη), и не можетъ не творить въ предѣлахъ своей собственной природы, какъ не можетъ не звучать серебро своимъ собственнымъ серебрянымъ звукомъ, дерево своимъ деревяннымъ звукомъ, вода своимъ плескомъ и т. д. и т. д.

Но въ музыкѣ вообще нужно различать два момента.

I. Музыку поколику она неразрывна съ пляскою. Съ этой стороны музыка есть только равномерная поступь и можетъ ограничиваться выбиваніемъ барабана или бубна. Определить музыкальный тактъ или метръ съ этой стороны весьма не трудно. Мѣрное движеніе двухъ ногъ, это естественное ритмическое движеніе, есть вмѣстѣ основаніе и плясового такта. Чтобы быть точнѣе, эти два элемента риема можемъ раздѣлить далѣе на простѣйшія единицы, такъ какъ движеніе каждой ноги состоитъ одинаково изъ поднятія и опущенія, или, выражаясь принятыми терминами, повышенія и пониженія. Такимъ образомъ единицею музыкальнаго движенія здѣсь служить аккордъ изъ четырехъ моментовъ, двухъ повышеній и двухъ пониженій. Этотъ первобытный тактъ чувствуется въ индійской слокѣ, въ арабскомъ байтѣ, въ хорахъ греческихъ трагедій, въ пѣсняхъ Еддъ и многихъ нѣмецкихъ и русскихъ народныхъ пѣсняхъ. У Индійцевъ даже названіе поэтическаго метра tal взято отъ имени пляски, именно изъ двухъ начальныхъ буквъ слова tand, означающаго танецъ Мугадева и первой буквы слова las, другой танецъ, приписываемый женѣ Мугадева. Этотъ универсальный метръ болѣе или менѣе долженъ былъ чувствоваться и въ музыкѣ

древнееврейской, покуда она соединялась иногда съ пляскою. Слѣды этого метра можно видѣть въ мазоретскомъ расположеніи удареній по *слогамъ*. Имено, главное удареніе обыкновенно понижается на послѣднемъ слогѣ слова, имѣя предъ собою пониженный звукъ, но третій слогъ отъ конца получаетъ снова удареніе (метегъ), предъ которымъ снова идетъ пониженный слогъ. Такъ какъ этотъ метръ обязанъ своимъ происхожденіемъ связи музыки съ пляскою; то онъ не имѣетъ никакого отношенія къ мысли и можетъ даже исполниться во всѣхъ своихъ моментахъ на одномъ словѣ. Онъ имѣлъ свое вліяніе на вѣншее построеніе стиха, какъ это видно изъ перемѣнъ, испытываемыхъ гласными. смотря потому приходится ли онъ въ какомъ либо изъ двухъ удареній, или въ слогахъ безтонныхъ. Но, говоримъ, отъ этого метра остались только нѣкоторые слѣды. Мазореты не проводятъ его вездѣ; но уже тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ выставленъ въ пунктаціи, достаточно для того, чтобы видѣть насколько не чуждъ былъ и евреямъ первичный, универсальный тактъ всякой музыки и поэзіи, исполняемый въ человѣкѣ, по выраженію Гердера, стремленіемъ и средствами самой природы.

II. Но это только одна грубѣйшая сторона музыкальнаго и поэтическаго метра, встрѣчающаяся, въ своемъ чистомъ видѣ, только у самыхъ простыхъ некультурованныхъ народовъ. Другой элементъ музыки, какъ выраженія человѣческаго чувства и душевнаго расположенія, своими высшими нотами обыкновенно, если не закрываетъ совершенно, то, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ менѣе чувственнымъ плясовую тактъ, живущій во всякой музыкѣ. Если Ернестъ Мейеръ (*loco citato*) всю библейскую поэзію ограничилъ только этимъ низшимъ метромъ и древнееврейскихъ музыкантовъ и поэтовъ представилъ барабанщиками, выбивающими своему народу безконечный, монотонный военный маршъ; то онъ погрѣшилъ противъ самой исторіи. Кромѣ бубна и барабана, которыми Мейеръ

ограничилъ древнееврейскую музыку, съ древнѣйшаго времени у евреевъ существовали высшіе роды инструментовъ, имѣющіе назначеніемъ передачу высшихъ движеній человѣческаго сердца, какъ сама жизнь разнообразныхъ и какъ эта же жизнь трепетно волнующихся. Конечно и выраженіе чувства должно имѣть свой метръ, иначе не было бы въ немъ никакой музыки и поэзіи; но этотъ метръ, по своей широтѣ и свободѣ, напоминаетъ скорѣе пульсацію человѣческой крови, то широко разливающейся по организму, то сжимающейся въ полости сердца, чѣмъ мѣрное шаганіе салдата. Съ другой стороны, въ опредѣленіи высшаго поэтическаго метра, незачѣмъ, какъ мы видѣли, уединяться въ область чистой мысли, поколику всякая мысль есть отвлеченіе отъ факта, отъ жизненнаго тока бытія, нѣчто стоящее надъ нимъ и только освѣщающее его своимъ содержаніемъ. Основаніемъ метра могутъ здѣсь служить только мотивы, кроющіеся въ моральномъ расположеніи и характерѣ народа и открывающіеся въ особенной наклонности его языка къ одному изъ трехъ, извѣстныхъ въ наукѣ о поэзіи человѣческой, родовъ метра. Особенности древнееврейскаго языка показываютъ: α) что стихосложеніе библейское не могло основываться, какъ греческое и римское, на различіи долгихъ и короткихъ звуковъ, потому что, какъ мы говорили выше, такого различія еврейскій языкъ вообще не зналъ; β) что оно не можетъ быть также стихосложеніемъ спланическимъ, основывающемся на количествѣ слоговъ и свойственнымъ языкамъ, ударяющимъ слова всегда на опредѣленномъ мѣстѣ, какъ напр. французскому языку, ударяющему слова всегда на послѣднемъ слогѣ, польскому, ударяющему всегда на предпослѣднемъ, англійскому на первомъ; между тѣмъ еврейскій языкъ ударяетъ слова на послѣднемъ и предпослѣднемъ слогѣ. γ) Остается предположить въ древнееврейскомъ языкѣ тоническое стопосложеніе, такъ какъ другихъ стихосложеній наука и не знаетъ. *Тоническое* стихосложеніе, дѣйствительно, есть самое простое и вѣроятно самое древнее изъ всѣхъ извѣстныхъ стихосложеній, потому что

интонации или ударения всегда играют первостепенныя роли въ первичномъ періодѣ развитія всѣхъ языковъ (*Memoire sur l'origine de la Musique par Beaulieu. 1863*), такъ что каждый народъ, прежде чѣмъ онъ научится считать слоги, или раздѣлять долгія и короткія, необыкновенно гибко и искусно владѣетъ уже удареніями, сообщающими всему языку пѣсенный характеръ. «У жителей Кохинхины, говоритъ Leon de Rosny (стр. 301), всѣ слова односложны и народъ различаетъ ихъ значенія только посредствомъ различныхъ удареній въ произношеніи, такъ что здѣсь никогда не говорятъ безъ того, чтобы не пѣть». Китайскій языкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всего какихъ нибудь 450 раздѣльныхъ звуковъ, но посредствомъ этихъ звуковъ интонаціею различается около 50,000 различныхъ понятій или словъ. Въ настоящее время такое неограниченное господство удареній потерялось, хотя въ разговорномъ языкѣ кое-что сохранилось и у насъ отъ этой способности: мы различаемъ удареніемъ вопросительную фразу отъ утвердительной (есть? есть). Мы произносимъ *да* совсѣмъ иначе когда хотимъ сказать *пожалуй*, иначе когда подразумеваемъ *конечно* (да, еще-бы!), иначе когда спрашиваемъ (да? т. е. въ самомъ дѣлѣ?), иначе когда заключаемъ фразу (да, такъ вотъ какое дѣло).—Но, говоря о тоническомъ первосложеніи стиховъ, мы разумѣемъ не то стихосложеніе, которое господствуетъ въ пѣсенной поэзіи, а со времени Ломоносова въ русской, но подобное тому, какое искони существуетъ въ нашей народной поэзіи, именно то, въ которомъ *ударяются не отдѣльные слогъ, а цѣлыя слова*, которыя, въ первобытномъ состояніи языка, должны были представляться народному поэтическому творчеству неразрывнымъ цѣлымъ. Вотъ примѣръ такого стихосложенія:

Ты—воспой | воспой

Младъ—жавроночекъ,

— 360 —

Сидючѣ́ | весно́й
На—прота́линикѣ́..

Или вотъ стихъ Пушкина, составленный по подражанію нашему народному стиху:

Жилъ—старѣ́икъ | со своею—стару́хой
У са́маго | синяго́ мо́ря;
Они—жи́ли | въ ветхой—земля́никѣ́
Ровно—три́дцать—лѣ́тъ | и три—го́да.
Старикъ—лови́лъ | це́водомъ—ры́бу,
Старуха—пря́ла | свою—пря́жу.

Признавая, такимъ образомъ, въ библейской поэзіи тоническое стихосложеніе, основывающееся на удареніи, поднимающемъ или опускающемъ не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова, мы основываемся исключительно на системѣ мазоретскихъ акцентовъ. Что библейская акцентуація можетъ быть понимаема въ смыслѣ просодическихъ знаковъ, это можно видѣть изъ того, что ею же пользовались съ давняго времени какъ нотами для пѣнія, между тѣмъ какъ у древнихъ знаки нотные и просодическіе были одно и тоже (*Histoire de la musique par de la Fage, t. I, p. 430*). Кромѣ того эта акцентуація, обставляя знаками каждое слово въ Библии, вполне подтверждаетъ за собою характеръ древнѣйшаго народнаго стихосложенія и рѣчи, когда слово еще не дѣлилось на слоги съ одной стороны и съ другой въ каждомъ данномъ случаѣ имѣло свою особенную интонацію или удареніе, т. е. пѣлось, а не читалось.

Библейская акцентуація состоитъ изъ двухъ отдѣльных системъ знаковъ: собственно *поэтической* и *полупоэтической*.

У древнихъ восточныхъ народовъ прозы въ собственномъ смыслѣ не было, а различались только произведенія болѣе поэтическія и менѣе поэтическія, т. е. строже выдерживающія метрическое построение и менѣе. Такимъ образомъ у древнихъ индійцевъ пѣлись въ народѣ пѣсни, называвшіяся *dhooruds*, построение которыхъ не можетъ быть названо собственно поэтическимъ (*Hist. de la musique par de-la Fage t. I. 450*). Точно также у арабовъ существуетъ большая литература подъ именемъ полупоэтической. Такимъ же образомъ у мазоретовъ вся Библія является поэгическимъ произведеніемъ въ отношеніи своего языка и располагается по стихамъ, съ тѣмъ раздѣленіемъ, что три книги, именно: книга Іова съ 3 гл. 3 ст. до 42 гл. 7 ст., книга Притчей и Псалмовъ ($\frac{7}{28}$) признаны вполне поэгическими, а всѣ остальные полупоэгическими. Сообразно съ такимъ раздѣленіемъ, первая книга имѣютъ особенное построение акцентовъ, отличное отъ построения книгъ полупоэгическихъ. Отличіе этихъ двухъ системъ собственно состоитъ въ томъ, что поэгическая система имѣетъ въ виду исключительно метръ стиха, тогда какъ полупоэгическая въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяетъ музыкальное значеніе акцентовъ съ значеніемъ нашихъ значковъ препинанія. Но что, вообще говоря, и акценты прозаическихъ книгъ Ветхаго Завѣта раздѣляютъ рѣчь метрически, это достаточно видно изъ общаго построения мазоретскаго стиха, который, всегда представляя собою въ построеніи знаковъ законченное цѣлое, далеко не всегда есть цѣлое въ отношеніи къ содержанію. Въ перечняхъ, родословныхъ, и вообще въ изложеніи историческихъ обстоятельствъ, стихъ иногда не обнимаетъ не только всей мысли, но даже одного вводнаго предложенія, между тѣмъ какъ соотвѣтствующіе стиху акценты сплона успѣли найти мѣсто въ стихѣ (ср. Нав. 12, 9—24. Ис. 3, 18—23. Іер. 48, 21—25 и мн. др.). Съ другой стороны, въ построеніи библейскаго стиха не только полупоэгическаго, но и собственно поэгическаго, вездѣ обращаетъ на себя вниманіе ви-

димая взаимная несоизмѣримость стиховъ между собою; послѣ весьма укороченнаго стиха непосредственно можетъ стоять самый обильный стихъ, превышающій въ два и три раза стихъ сосѣдній. Это видимое противорѣчіе закону поэтической и музыкальной равномѣрности очень обыкновенно во всѣхъ древнихъ восточныхъ поэзіяхъ и есть слѣдствіе необыкновенной силы и стремительности чувства восточныхъ поэтовъ, не понятной для охлажденнаго въ разсудочномъ анализѣ чувства поэтовъ европейскихъ. Вотъ какъ описываетъ Виллардъ (A treat. of the mus. of Hind. р. 35) поэтическую и музыкальную композицію древнихъ индусовъ: «природа и духъ индійской поэзіи и музыки не только позволяла, но даже предписывала поэтамъ и музыкантамъ не повторять однообразно одной и тойже метрической постановки и напѣва; такимъ образомъ, оставаясь въ основѣ всегда вѣрными извѣстному сложенію стиха и напѣву, пѣвцы обыкновенно прерываютъ мѣру то въ концѣ, то въ началѣ, то въ срединѣ, внося разнаго рода расцвѣченія въ строгій порядокъ метрики, называемыя *alap*. Мѣста этого рода вставокъ не могутъ быть разсматриваемы какъ существенныя въ мелодіи, тѣмъ не менѣе ихъ можно встрѣчать непрерывно, хотя предѣлы мелодіи указываютъ всегда и основныя неизмѣняющіяся ноты». Совершенно тоже самое представляютъ библейскіе стихи какъ книгъ поэтическихъ, такъ и полупоэтическихъ. Имѣя всегда одну и ту же основную норму построенія, мазоретскіе акценты постоянно то разщепляются принятіемъ вставныхъ нотъ (впрочемъ только въ началѣ и въ срединѣ, но не въ концѣ), то сокращаются, смотря по той или другой стремительности чувства въ стихѣ, а иногда и богатства содержанія. Въ этомъ отношеніи грамматики не дурно сравнивали библейскіе стихи съ сѣтью, которая, смотря по широтѣ теченія, можетъ то далеко растянуться, то сжаться въ самый короткій объемъ, не переставая быть тождественною.

Сущность всякаго метра состоитъ въ законмѣрномъ повто-

реніи различныхъ тоновъ, такъ какъ постоянное повтореніе одной и тойже ноты есть именно отсутствіе всякаго метра. На этомъ основаніи библейская акцентуація различаетъ: 1) *Сильные и слабые звуки*. Сильные звуки могутъ быть такими только по противоположности слабымъ и наоборотъ, такъ что одинъ и тотъ же звукъ можетъ быть то сильнымъ, то слабымъ, смотря по окружающимъ его побочнымъ звукамъ. Такъ какъ сильные звуки отличаются большою самостоятельностью, болѣе выдающимся произношеніемъ, слабые напротивъ легкостью и бѣглостію; то въ этомъ состоитъ первая и важнѣйшая мѣна звуковъ. На языкѣ средневѣковыхъ еврейскихъ учителей всѣ акценты раздѣлялись на *царей melachim* и *слугъ mescharthim*, изъ которыхъ первые у христіанскихъ гебраистовъ назывались акценты *disjunctivi*, потому что въ этихъ пунктахъ голосъ при произношеніи задерживается, а послѣдніе *conjunctivi*, такъ какъ слабые звуки сливаются при произношеніи. У новѣйшихъ грамматиковъ яснѣе и проще первые называются повышеніемъ (*hebungen*), а послѣдніе пониженіемъ (*senkungen*), что соответствуетъ терминамъ *arsis* и *thesis*, *זָרָב* и *בָּרָב*. 2) Нѣчто другое представляеть у мазоретовъ *высота* и *глубина* звуковъ, такъ какъ одинъ и тотъ же сильный или слабый звукъ можетъ быть сопрано или октава. Такъ какъ такое раздѣленіе составляетъ всегда особенность пѣсni, то это слѣдъ доказательство на то, что библейскіе акценты служатъ музыкальными или просодическими знаками. Тамъ, гдѣ самая большая глубина совпадаетъ съ самою большою силою звука, происходитъ трудный звукъ, обыкновенно указывающій конецъ члена стиха или паузу, гдѣ голосъ долженъ совершенно прекратиться. 3) Наконецъ нужно различать въ мазоретской системѣ *широту* звука (*periphraseon*), такъ какъ каждый звукъ, за исключеніемъ самаго сильнаго и глубокаго, можетъ болѣе или менѣе протягиваться чрезъ всю свою массу. Широкий звукъ въ мазоретской пунктаціи происходитъ двумя пу-

тами: α) когда два акцента, при распределеніи знаковъ, падаютъ на одно слово, тамъ, вмѣсто двухъ, слышится одинъ широкій звукъ; β) если соединительный акцентъ, по особенной силѣ и важности отдѣльнаго слова, въ данномъ мѣстѣ долженъ разширяться, что обозначается отвѣсною чертою | (pesik).

Но всѣ эти перемѣны звуковъ сами собою еще не даютъ метра. Въ самой этой перемѣнѣ звуковъ долженъ господствовать извѣстный законъ, который дѣлалъ бы изъ простой массы звуковъ нѣчто живое и органически цѣлое. Мазоретская акцентуація въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательный законъ движенія звуковъ въ стихѣ, дышащій совершенно восточною силою и стремительностію чувства. Онъ состоитъ вообще въ томъ, что поэтическая строка начинается самыми высокими тонами, постепенно понижающимися по направленію къ концу строки, но притомъ такъ, что понижающіеся тоны постепенно дѣлаются сильнѣе и въ паузѣ оканчиваются самымъ низкимъ и сильнымъ звукомъ. Два такихъ поднятія и опущенія обыкновенно образуютъ собою въ полупоэтическихъ книгахъ полный стихъ, но въ поэтическихъ книгахъ средний стихъ дается тремя поднятіями и опущеніями, стоящими между собою въ такомъ отношеніи, что средняя часть стиха, въ цѣломъ своемъ объемѣ, представляетъ пониженіе между двумя крайними частями, образующими повышение, между тѣмъ какъ строки, образующія полупоэтическій стихъ, близко равны между собою, представляя почти механическое сдѣленіе двухъ частей стиха въ одно цѣлое. Каждая изъ *строкъ* стиха дѣлится на отдѣльныя малыя части, которыя для отличія мы будемъ называть *членами* стиха. — Для частичнѣйшаго разсмотрѣнія намъ необходимо говорить отдѣльно объ акцентахъ полупоэтическихъ и поэтическихъ. Такъ какъ система полупоэтическихъ акцептовъ служитъ основаніемъ акцентовъ поэтическихъ, то ея мы должны начать изслѣдованіе. Но и здѣсь, далѣе, мы

должны говорить сначала о построении акцентов нормальномъ, а потомъ о построении ненормальномъ или распространенномъ.

Нормальная строка полуэпического стиха, по своему объему, заключаетъ въ себѣ не болѣе пяти членовъ, подобно какъ эпическій стихъ никогда не превышаетъ шести повторяющихся дактилей. Съ другой стороны, подобно гекзаметру, раздѣляющемуся въ своей срединѣ на двѣ части, и мазоретская нормальная строка полуэпического стиха въ третьемъ членѣ, считая отъ конца, раздѣляется на двѣ половины. Обозначая члены латинскими буквами, получимъ формулу строки въ такомъ видѣ: e, d, e, b, a. Такое раздѣленіе членовъ строки на двѣ части мазореты ясно указываютъ тѣмъ, что акценты первыхъ трехъ членовъ, считая отъ конца ставятъ подъ строкой, а послѣднихъ двухъ надъ строкой. На этомъ основаніи, также какъ на основаніи относительной крѣпости членовъ, первая половина, т. е. ближайшая къ концу, можетъ назваться нижнею, а послѣдняя верхнею.

Основнымъ, никогда неизмѣняющимся, членомъ служить у мазоретовъ послѣдній членъ стиха, называемый на техническомъ языкѣ *силлукомъ*. Пунктація полуэпическая начинается тѣмъ, что къ этому основному и конечному члену прибавляются еще два, постепенно ослабѣвающіе въ силѣ, но звучащіе на той же высотѣ, члена, у мазоретовъ названные: *тифши* и *тбиръ*. Эти три члена имѣютъ тѣсную связь между собою, такъ что, если читатель встрѣтитъ въ строкѣ членъ тбиръ, то за нимъ непременно уже онъ долженъ предполагать тифшу и силлукъ. Подъ тремя указанными членами мы разумѣемъ собственно три раздѣлительныхъ акцента. Хотя и сами они различаются по степени силы, но это различіе еще болѣе усложняется тѣмъ, что къ каждому изъ этихъ раздѣлительныхъ акцентовъ, въ большей части случаевъ, прибавляются свои особенные соединительные акценты, или иначе акценты пониженія, различающіеся между собою также по различ-

нымъ степенямъ силы члена, но не образующіе никогда члена сами собою, подобно раздѣлительнымъ акцентамъ. Соответственно тремъ указаннымъ раздѣлительнымъ акцентамъ, стоятъ слѣдующіе соединительные: *мерка*, *мунахъ* и *дарга* ¹⁾. По распредѣленіи соединенныхъ акцентовъ при ихъ соединительныхъ, идя отъ конца стиха, получимъ такую формулу трехъ членовъ: *силлукъ*—мерка | *тифша*—мунахъ | *тбиръ*—дарга |. Не многія исключенія изъ этой формулы состоятъ въ томъ, что а) тифша, ближайшій по мѣсту къ заключительному члену и потому называемый его передовымъ звукомъ (Vorton), можетъ, вмѣсто своего соединительнаго акцента, принимать соединительный силлука (Быт. 6, 3); б) равно и тбиръ, вмѣсто своего, принимаетъ соединительный силлука, если между раздѣлительнымъ и соединительнымъ нѣтъ промежуточныхъ слоговъ или есть только одинъ; въ такомъ случаѣ для слога, непосредственно слѣдующаго за раздѣлительнымъ, обыкновенный соединительный третьяго члена былъ бы слишкомъ слабымъ (Быт. 1. 17, 24 и др.); в) гдѣ смыслъ требуетъ второе слово предъ тифшею произнести быстро и гдѣ въ предложении не достаетъ слова для разд. акцента третьяго члена, тамъ онъ соединяется въ одинъ акцентъ съ соединительнымъ втораго члена, если послѣдній отдѣленъ отъ тифши только однимъ слогомъ; въ такомъ случаѣ мазореты ставятъ *двойную мерку* (Быт. 27, 25); д) въ случаѣ особеннаго недостатка словъ въ членахъ или ихъ вѣскости, члены силлукъ и тифша, вообще терпящіе предъ собою одно пониженіе, могутъ стоять вовсе безъ него, такъ что члены будугъ только съ раздѣлительными акцентами.

Этими тремя членами полупоэтическая строка можетъ и закончиться безъ новыхъ прибавленій. Но гдѣ смыслъ требуетъ

¹⁾ Самые знаки всѣхъ этихъ акцентовъ суть слѣдующіе: ⚡ силлукъ, ⚡ тифша, ⚡ тбиръ; ⚡ мерка, ⚡ мунахъ, и ⚡ дарга.

вначалѣ строки еще новаго построенія, тамъ открывается другая верхняя строка съ своими особенными членами. Къ сущности верхнихъ членовъ принадлежитъ то, что они слабѣе нижнихъ членовъ и допускаютъ болѣе соединительныхъ акцентовъ, вслѣдствіе чего теченіе рѣчи дѣлается здѣсь быстрѣе и свободнѣе и самый тонъ голоса при произношеніи выше. Такой характеръ верхней половины строки вообще обозначаютъ терминомъ *extensio растяжимость* членовъ, въ противоположность внутреннему усиленію *intensio* звуковъ нижняго ряда. — Первый членъ верхняго ряда, или иначе четвертый отъ конца строки, технически называется *герешъ* и состоитъ изъ трехъ акцентовъ: одного раздѣлительнаго, носящаго имя всего этого члена, и двухъ соединительныхъ (*кадма* и *тляша малая*) ¹⁾. По силѣ звука этотъ членъ принадлежитъ четвертому разряду, если измѣрять достоинство звука основнымъ членомъ всей строки, или силлукомъ; но по высотѣ произношенія онъ выше всего нижняго ряда. Два соединительные акцента, стоящіе здѣсь, располагаются такимъ образомъ, что непосредственно предъ раздѣлительнымъ дается меньшее пониженіе, а затѣмъ большее. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по смыслу для члена герешъ отдѣляется не три слова, соотвѣтственно количеству его акцентовъ, а четыре или даже пять (какое растяженіе членовъ въ верхнемъ ряду возможно), тамъ остальные непунктированные слова получаютъ средній соединительный акцентъ нижняго ряда муняхъ, чѣмъ вносится сильнѣйшее пониженіе нижняго ряда въ слабѣйшій верхній рядъ. (Быт. 12, 5). Наоборотъ, въ случаяхъ служенія члена герешъ въ два или даже въ одно слово, раздѣлительный и соединительный акцентъ т. е. повышеніе и пониженіе, могутъ исполняться на одномъ словѣ (Быт. 48, 20. Втор. 7, 13), или же соединяться въ одинъ *широкій* звукъ *герашамъ*,

¹⁾ Вотъ мазор. знаки четвертаго члена: ъ герешъ, ъ кадма, ъ тляша малая, ъ тляша большая, ъ черашамъ.

(знакъ котораго образуется соединеніемъ двухъ акцентовъ Быт. 1, 28; 5, 29; 11, 4). Впрочемъ этотъ широкій звукъ держится только на послѣднемъ слогѣ, снабженномъ удареніемъ; въ случаѣ же ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, герашаямъ возвращается опять въ герешъ, (какъ греческое облеченное удареніе на заиредпослѣднемъ слогѣ переходитъ въ острое), и это единственный случай, гдѣ герешъ образуетъ членъ безъ соединительныхъ акцентовъ (Быт. 7, 14. 50, 10). Съ другой стороны, если въ словахъ, образующихъ членъ герешъ, требуется смысломъ нѣкоторое раздѣленіе въ срединѣ, тамъ второй соединительный акцентъ (тмиша малая) изъ пониженія превращается въ повышение и образуетъ малый членъ, по силѣ вполнину уступающій герешу и названный *тмиша большая* (Лев. 7, 18).

Такъ какъ герешъ служить первымъ членомъ верхняго ряда, а тбиръ послѣднимъ нижняго, то они иногда соединяются между собою, такимъ образомъ, что членъ тбиръ, кромѣ своего пониженія, занимаетъ еще то или другое пониженіе гереша (Быт. 3, 8. 13. 19, 32. Іер. 39, 3). Это разширеніе третьяго члена элементами четвертаго не устраняетъ возможности слѣдованія за нимъ четвертаго члена въ полномъ видѣ съ новышеніемъ и пониженіями.

Если въ этой, отдаленной отъ конца строки, части представится необходимость новаго раздѣлительнаго акцента, то ставится новый и послѣдній членъ, пятый отъ конца и первый отъ начала строки. Такъ какъ ровное теченіе рѣчи рѣдко выдерживается вполнѣ въ полуостатическомъ стихѣ, то этотъ высочайшій по нотѣ, но слабѣйшій по силѣ, раздѣлительный акцентъ встрѣчается не часто. Далѣе, такъ какъ члены строки, по мѣрѣ приближенія къ началу ея, дѣлаются все свободнѣе и быстрѣе и, слѣдовательно, богаче соединительными акцентами; то пятый членъ всегда обнимаегъ нѣсколько словъ. У мазоретовъ повышение этого члена, какъ и весь вообще пятый членъ, называется *карнэ-фара*, а его

пониженіе *ієрахъ*¹⁾; всѣ другія, впереди стоящія, слова получаютъ безъ различія только соед. мунахъ, единственный регуляторъ—акцентъ, встрѣчающійся во всѣхъ членахъ (Числ. 35, 5. 2 Цар. 4, 2. Іер. 13, 13 и др.).

Такимъ образомъ сущность нормального метра полупоэтической строки состоитъ въ томъ, что, *начиная отъ начала строки, по направленію къ концу ея, звуки мѣрно измѣняются изъ высокихъ и бывшихъ въ низкіе, густые и твердые.* Самая полная строка даетъ пять такихъ ступеней, прежде чѣмъ голосъ опустится до основной сильнѣйшей ноты, образующей паузу; но гораздо чаще нормальная строка даетъ четыре ступени, начинаясь герешемъ. Не возможна также строка въ три члена, а въ случаяхъ разговорной сухой рѣчи и въ два члена. Но какою бы потою ни начиналась строка, ея метръ идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ къ своему общему основному тону. Для примѣра вошь строка съ пятью членами нормального ряда Іер. 38, 23.

Они придутъ къ тебѣ и скажутъ тебѣ: (карнэ-фара)

Разскажи пожалуйста намъ, (герешъ)

Свою—бесѣду съ—царемъ, (тѣбиръ)

Не скрой отъ насъ, (тифша)

Или убьемъ тебя. (силлукъ)

Строка съ четырьмя членами Быт. 2, 8:

Тогда посадилъ (членъ герешъ)

Іегова Богъ (тѣбиръ)

Рай во—Едемъ (тифша)

На—востокъ (силлукъ).

Строка съ тремя членами Пѣсн. Пѣсн. 3, 11:

Идите смотреть (тѣбиръ)

Сіонскія жены (тифша)

Царя Соломона. (силлукъ).

¹⁾ Карнэ-фара ḫ , ієрахъ ḫ .

Строка съ двумя членами. Іер. 16, 1. Іез. 6, 1. 7, 1. 13, 1. 15, 1. 16, 1 и др.

И—было слово—Іеговы (тифша)

Ко—мѣ такое (силлукъ).

Уже изъ этого разсмотрѣнія нормальнаго ряда полупоэтической строки видна свобода въ расположеніи метра, зависящая главнымъ образомъ отъ большаго или меньшаго прилива мысли, чувства и одушевленія въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ что большей или меньшей степени широты и объема мысли, большей или меньшей степени сопровождающаго мысль чувства соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе высокая нота, начинающая строку. Но и эта не строгая мѣра полупоэтическихъ книгъ выдерживается рѣдко. Въ большей части стиховъ она разнообразится особеннаго рода наращеніями звуковъ, тѣмъ, что индійскіе музыканты и поэты называли *alap*, т. е. *вставными* группами нотъ, прерывающими указанный нами ровный потокъ звуковъ съ высотыятаго члена до перваго. Въ этомъ отношеніи только второй членъ (тифша) неразрывно связанъ съ основнымъ членомъ, такъ что въ этомъ пунктѣ ровное теченіе не можетъ быть нарушено никакими вставными элементами. Но уже въ третьемъ членѣ нормальный метръ можетъ прерваться, тѣмъ болѣе въ четвертомъ и пятomъ, такъ какъ эти члены не необходимы въ строкѣ, и мы видѣли, что три, и даже два, основныхъ члена сами собою могутъ образовать метръ. Оттого, и занимая мѣсто въ строкѣ, эти члены допускаютъ больше измѣненій и дополненій, чѣмъ нижній рядъ. Но, съ другой стороны, самыя эти дополненія или вставныя члены подчинены закону метрическаго расположенія звуковъ. Имено: а) нижнимъ членамъ соотвѣтствуетъ болѣе сильныя вставныя акценты, а начальнымъ болѣе слабыя; б) врываясь въ нормальный рядъ, вставной акцентъ долженъ имѣть ту же степень высоты звука, какую имѣетъ соотвѣтствующій членъ нормальнаго ряда, а по твердости и силѣ произношенія стоять степенью

выше, такъ что обыкновенная степень усиленія звуковъ по мѣрѣ приближенія къ концу строки, здѣсь дается двойная; γ) вставные члены все принадлежатъ къ верхнему ряду строки и отличаются обиліемъ словъ, а потому сильнѣйшіе изъ нихъ сопровождаются всегда не только соединительными акцентами, но и своими особенными вспомогательными раздѣлительными акцентами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ δ) вставные акценты болѣе другихъ акцентовъ связаны съ содержаніемъ, такъ что имъ можно отвести среднее мѣсто между просодическими знаками и знаками препинанія; большая часть ихъ принимаетъ даже форму древнихъ знаковъ препинанія, состоявшую въ точкѣ или въ группѣ точекъ.

Первый, самый сильный вставной акцентъ, у мазоретовъ называемый *закефъ* малый, имѣетъ форму двухъ точекъ стоящихъ надъ словомъ перпендикулярно. Какъ сильный акцентъ, приближающійся по значенію къ основному акценту строки, *закефъ* входитъ въ строку обыкновенно въ сопровожденіи другаго, ему подчиненнаго, но слабѣйшаго раздѣлительнаго акцента *пашта*, такъ что, такимъ образомъ, полный членъ *закефъ* будетъ состоять изъ четырехъ словъ: двухъ съ акцентами раздѣлительными и двухъ съ соединительными. (Соединительнымъ акцентомъ *закефу* бываетъ обыкновенно *мунахъ*, а *паштѣ* новый мягкій акцентъ ¹⁾ *магнахъ*). Если членъ имѣетъ менѣе четырехъ словъ, то роль соединительнаго акцента предъ *закефомъ* будетъ играть *пашта* (1 Цар. 17, 30). Если членъ состоитъ изъ одного слова, то *закефъ* съ *паштою* выдерживаются и исполняются на одномъ словѣ (Быт. 12, 7. 19, 17 и проч.). Наконецъ, если слово слишкомъ коротко, чтобы, при произношеніи его, дать мѣсто отгнѣкамъ, требуемымъ обоими акцентами: то оба они соединяются въ одномъ широкомъ звукѣ, названномъ *закефъ большой* ¹⁾ (Быт.

¹⁾ *Закефъ* малый ъ, *закефъ* большой ъ, *пашта* ъ, *магнахъ* ъ.

1, 14). Какъ акцентъ свободный, закефъ можетъ повторяться въ строкѣ то непосредственно, то между членами нормальнаго ряда. Но, какъ сильнѣйшій между вставными акцентами, онъ чаще употребляется ближе къ концу строки на мѣстѣ тѣбра или гереша.

Второй вставной акцентъ *ребіа*, обозначается одною крупною точкою надъ словомъ. Степень силы этого акцента такова, что другой сопровождающій его акцентъ и примирающій съ нормальными членами здѣсь уже не нуженъ; соединительными же акцентами *ребіа* служатъ мунахъ или мерка. Вставные члены закефъ и *ребіа* часто образуютъ сами собою особенный метръ въ нормальномъ ряду, являясь нѣсколько разъ другъ предъ другомъ (Псх. 32, 1). Это самая крайняя музыкальная вольность въ прерывахъ нормальнаго тона, допускаемыхъ древнееврейскою музыкою.

Последній и самый слабый вставной акцентъ, входящій только въ четвертый и пятый члены нормальнаго строки, есть *пацерь*¹⁾. Онъ можетъ стоять и одинъ въ строкѣ безъ первыхъ вставныхъ акцентовъ (Втор. 5, 23. 6, 22), но можетъ слѣдовать и за закефомъ и *ребіа* (Псх. 29, 20), такъ какъ равномѣрно теряющаяся степень силы этихъ вставныхъ акцентовъ дѣлаетъ ихъ взаимное отношеніе метрически правильнымъ.

И такъ метръ отдѣльно взятой музыкально-поэтической строки въ полупоэтическихъ книгахъ будетъ состоять въ *исходящемъ теченіи* пяти, *мирно усиливающихся звуковыхъ волнъ*, между которыми три первыхъ могутъ поминаться при своемъ ходѣ сильнѣйшими волнами звуковъ, такъ однакожь, что прорвавшееся ровное теченіе должно возстановиться, прежде чѣмъ волна придетъ къ полному покою. Если продолжить сравненіе пѣсни или музыки съ волнами, а перемѣну звуковъ, или

¹⁾ Пацерьъ

собственно метръ иѣсни, съ порывами вѣтра, то поднимающаго, то опускающаго волнообразныя движенія; то, во первыхъ, неровность волнъ можетъ быть вполнѣ замѣтна только среди рѣки, между тѣмъ какъ, по направленію къ берегу, поднятія и опущенія правильно уменьшаются; во вторыхъ, случайное состояніе прилива въ теченіи или отлива можетъ укоротить волну или расширить.

Строка, образующая, такимъ образомъ, метрическое цѣлое, по отношенію къ своимъ членамъ, служить только однимъ изъ элементовъ въ высшемъ цѣломъ или стихѣ. Можно указать только рѣдкіе исключительные случаи, въ которыхъ весь стихъ состоитъ изъ одной только строки, какъ греческій гекзаметръ безъ пентаметра. Обыкновенный же стихъ состоитъ изъ соединенія двухъ отдѣльных строкъ, построеніе которыхъ, вообще говоря, одинаково, и все, что мы сказали о первой отъ конца стиха строкѣ, относится и ко второй. Отличіе строкъ, главнымъ образомъ, состоитъ въ основномъ акцентѣ, который во второй строкѣ называется *антихотомъ* и отличается отъ *силлука* степенью высоты; а такъ какъ отъ основнаго члена зависятъ всѣ члены въ строкѣ; то и вся вторая отъ конца строка будетъ степенью выше чѣмъ первая, такъ что въ совершенно тождественныхъ случаяхъ сильнѣйшіе акценты нижней строки смягчаются въ верхней (ср. Іов. 1, 8 съ 2, 3, гдѣ одно и тоже предложеніе повторяется въ двухъ различныхъ строкахъ) Расположеніе же акцентовъ и членовъ второй строки въ каждомъ частномъ случаѣ никогда не бываетъ только повтореніемъ первой, но, смотря по мысли и предложенію, движется свободно въ предѣлахъ указанныхъ нами пяти членовъ съ ихъ тремя вставными; такимъ образомъ, самая распространенная одна строка можетъ стоять при другой самой укороченной, и притомъ распространенною или сжатую можетъ быть то верхняя то нижняя строка. Но, во всякомъ случаѣ, равновѣсіе двухъ строкъ такъ необходимо въ стихѣ, что

даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ весь стихъ обнимаетъ весьма малое количество словъ, стихъ скорѣе разбивается на двѣ кратчайшія строки, чѣмъ остается однострочнымъ (Быт. 1, 1. Лев. 21, 4. Іез. 10, 13. Ос. 11, 6 и др.)

Наконецъ бываютъ случаи, что стихъ переступаетъ предѣлы метрическаго равновѣсія двухъ строкъ. Въ такомъ случаѣ является третья отъ конца стиха строка или первая отъ начала, по техническому названію *сегольта* ¹⁾. Такъ какъ общій законъ, по которому члены, по мѣрѣ приближенія къ началу стиха, получаютъ большую степень высоты, уменьшаясь въ твердости и силѣ, повторяется не только въ распредѣленіи членовъ отдѣльной строки, но и во взаимномъ отношеніи строкъ между собою; то эта новая строка всеѣмъ своимъ объемомъ, по высотѣ прозношенія, превосходитъ обѣ предыдущія. Высота ея, нагляднымъ образомъ, у мазоретовъ обозначается тѣмъ, что въ этой строкѣ нѣтъ нижняго ряда членовъ, а только верхній, и притомъ съ совершенно особыми акцентами. Точно также какъ силлуку или атнаху предшествуетъ всегда вспомоgetельный разд. акцентъ тифша, не употребляющійся независимо отъ этихъ основныхъ членовъ, и сегольта имѣетъ свой передовой разд. акцентъ *зарка* (знакъ греческаго обличеннаго ударенія), предъ которымъ могутъ стоять или четвертый и пятый члены нормальнаго ряда, или слабѣйшіе вставные члены ребіа и пацеръ, но не закефъ. Гдѣ строка бываетъ служена въ одно слово, тамъ главный акцентъ сегольта съ своимъ передовымъ акцентомъ соединяются въ одинъ акцентъ широкаго звука, *шалшелетъ* ¹⁾ (Быт. 19, 16 и др.).

И такъ метръ полнаго полупоэтическаго стиха состоитъ *въ соединеніи двухъ, а иногда трехъ, большихъ мирныхъ музыкальных спаденій звуковыхъ движеній, двухъ или трехъ от-*

¹⁾ Сегольта Ѣ. Зарка Ѣ. Шалшелетъ Ѣ.

дольныхъ волнообразныхъ теченій, идущихъ по одному параллельному направленію, хотя различнымъ образомъ. Приблизительно основные члены строкъ мы обозначимъ, если, по степени силы, силлукъ назовемъ двойнымъ тактомъ, атнахъ тактомъ, а сегольту полтактомъ, а по степени высоты силлукъ поставимъ на первой линейкѣ нашей нотной системы, атнахъ на второй, а сегольту на третьей.

Собственно поэтическая система акцентовъ выступаетъ изъ полупоэтической, какъ дальнѣйшее ея развитіе, и потому имѣеть тотъ же основной законъ и тѣже знаки съ нѣкоторыми измѣненіями, вытекающими изъ самой сущности поэзіи. Главное отличіе поэтической акцентуаціи отъ полупоэтической состоитъ въ томъ, что первая необнимаетъ ни такихъ широкихъ ни такихъ короткихъ членовъ, какіе возможны въ послѣдней, но вообще принимаетъ небольшіе, но болѣе равномерные и опредѣленные ряды словъ. Здѣсь не встрѣчается уже растянутой полупоэтической строки въ пять членовъ, и поэтическо-музыкальная свобода, въ допущеніи вставныхъ элементовъ, здѣсь гораздо ограниченнѣе. Вставные члены здѣсь возможны только самые слабые, и притомъ, почти только въ мѣстахъ прозаическаго характера, такъ какъ въ древнѣйшее время, какъ мы выше говорили, строгаго различія между поэзіею и прозою не полагали; среди вполнѣ поэтической пѣсни поэтъ могъ спускать возвышенный строй своей лиры до простаго разговорнаго, и наоборотъ простая разговорная рѣчь (напр. въ пророч. книгахъ) часто принимала характеръ и тонъ вполнѣ поэтической. Вообще сильные раздѣлительные акценты, во многихъ случаяхъ приближающіеся къ значенію знаковъ препинанія, здѣсь менѣе численны и менѣе употребительны; напротивъ того, поэтическая акцентуація употребляетъ гораздо болѣе соединительныхъ акцентовъ, имѣющихъ всегда только музыкальное значеніе, — чѣмъ обуславливается здѣсь большая легкость и игра звуковъ. Соединительные акценты здѣсь могутъ даже образовы-

вать члены строки сами собою своими собственными взаимными отношениями, безъ участія раздѣлительнаго акцента, и отношенія соединительныхъ акцентовъ здѣсь не тѣ механическія вѣтлomme- нія, допускающія пятикратное и даже шестикратное повтореніе одного и того же акцента безъ всякихъ измѣненій (мунахъ въ верхнихъ членахъ полупоэтического ряда), которыя могутъ сообщить только монотонные аккорды нѣсъ, но отношенія болѣе живыя и музыкально разнообразныя; даже два раза одинъ и тотъ же соединительный акцентъ, при двухъ словахъ рядомъ, въ собственно поэтической системѣ не можетъ стоять въ одномъ и томъ же видѣ. Отсюда выходитъ богатство соединительныхъ акцентовъ поэтической акцентуаціи; именно эти акценты трижды различаются между собою по тремъ строкамъ стиха, такъ что всѣхъ соединительныхъ акцентовъ $3 \times 3 = 9$.

1) Три соединительныхъ акцента перваго разряда, употребляемыхъ въ трехъ возможныхъ частяхъ стиха и составляющихъ ихъ самое глубокое и сильное пониженіе: *мерка*, *мунахъ*, *ієрахъ*. Послѣдній измѣнилъ здѣсь свое прозаическое значеніе, соответствуя впрочемъ и здѣсь высшей строкѣ стиха, и служа сильнѣйшимъ соединительнымъ акцентомъ, какой только возложенъ на высотѣ третьей строки.

2) Три соединительныхъ акцента втораго разряда имѣютъ между собою то общее, что они всегда исполняются на третьемъ словѣ отъ конца строки, минуя второе, стоящее непосредственно предъ раздѣлительнымъ акцентомъ. но за то на этомъ третьемъ мѣстѣ они являются даже тамъ, гдѣ смыслъ требуетъ раздѣленія, а не соединенія. Между этою второю триадою акцентовъ самый глубокий и вмѣстѣ самый сильный соединительный акцентъ будетъ *шалшелетъ*, служащій разд. акцентомъ въ полупоэт. системѣ, возможный только на высотѣ первой и второй строки, но не третьей. Степенью выше и слабѣе стоитъ *кадма*, а всѣхъ слабѣе и выше въ этомъ ряду *магнахъ*, имѣющій впрочемъ здѣсь

болѣе широкое употребленіе, чѣмъ между полупоэтическими акцентами. Только этотъ послѣдній акцентъ можетъ стоять непосредственно предъ раздѣлительнымъ акцентомъ, а два первые возможны только предъ другимъ акцентомъ соединительнымъ.

3. Три соединительныхъ акцента третьяго разряда, стоящихъ, по отношенію къ шести предшествующимъ, на третьей степени силы, при различной высотѣ, представляютъ собою искусственныя построенія и соединенія простыхъ акцентовъ: *мерка-зарка* (изъ соединенія проз. мерки и зарки), *верхній мунахъ* (ставящійся надъ словомъ, въ обозначеніе высоты звука) и *манахъ-зарка*. Соотвѣственно такому вѣдшему осложненію знаковъ, является здѣсь особенное внутреннее значеніе ихъ. Ими обозначается высота произношенія тѣхъ словъ, которыя предъ удареніемъ имѣютъ открытые слоги (оканчивающіеся гласною). Эту особенность гласнаго выраженія въ звукѣ, требующую выдающагося и протянутаго произношенія, обозначали именно заркою (облеченнымъ удареніемъ), а потомъ, смотря потому стоитъ ли слово въ верхней или нижней строкѣ, прибавляли къ заркѣ подъ словомъ другой составной акцентъ манахъ или мерку. При другихъ случаяхъ въ этой области высоты ставится верхній мунахъ.

Основной законъ поэтическаго метра состоитъ въ томъ, что стихъ строится изъ трехъ возможныхъ поэтическихъ строкъ, названныхъ у мазаретовъ: *силлукъ*, *атнахъ* и *мерка-манахъ*. Но, тогда какъ полупоэтическая система дѣлитъ далѣе каждую строку на отдѣльные члены, въ поэтической системѣ эти три строки суть вмѣстѣ три члена стиха безъ дальнѣйшаго раздѣленія, такъ что вся строка имѣетъ здѣсь только одинъ сильный раздѣлительный акцентъ. Только въ мѣстахъ прозаическаго характера верхнія строки иногда дѣлятся на части вставными акцентами, но не сильнымъ закъ а слабѣйшими ребіа и пацерь. Касательно взаимнаго отношенія между строками нужно

замѣтить, что здѣсь въ одномъ и томъ же стихѣ отдѣльныя строки, вообще говоря, менѣе имѣютъ общихъ знаковъ и слѣдовательно больше различныхъ отбѣнковъ.

Въ частности построение собственно поэтического стиха состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Предъ конечнымъ акцентомъ силлукъ и его соединительнымъ ставится, тѣсно связанный съ нимъ, слабый раздѣлительный акцентъ ребіа-герешъ (по тѣсной связи съ силлукомъ онъ называется его передовымъ акцентомъ). Совпаденіе въ этомъ знакѣ двухъ прозаическихъ акцентовъ даетъ широкій и продолжительный звукъ, независимо отъ грамматическаго положенія соотвѣтствующаго ему слова. Ребіа-герешъ можетъ стоять и непосредственно предъ силлукомъ на слѣдующемъ словѣ, но въ такомъ случаѣ между этими двумя акцентами должно быть не менѣе двухъ слоговъ, замѣняющихъ тогда соединительный акцентъ между двумя раздѣлительными (Пс. 24, 2). Если строка обнимаетъ собою три слова, то ребіа-герешъ стоитъ на третьемъ словѣ (Пс. 1, 2), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ, по прозаическому характеру стиха, мѣсто его замѣняетъ полупоэтический второй членъ нормальнаго ряда (Пс. 18, 5). Если строка обнимаетъ четыре слова, ребіа-герешъ ставится на четвертомъ, а среднія два слова замѣщаются соединительными соотвѣтственныхъ степеней. Но дальше четвертаго слова, а часто и на четвертомъ, ребіа-герешъ, какъ связанный тѣсно съ основнымъ акцентомъ, не можетъ стоять. Тогда его мѣсто замѣщается слабѣйшимъ широкимъ звукомъ шалшелеть (Пс. 89, 2), или кадмоу (Пс. 61, 5). Это взаимное притяженіе главныхъ акцентовъ строки силлука и ребіа-герешъ дѣлаетъ строй нижней строки тяжелымъ и твердымъ, отчего вставные члены здѣсь невозможны.

2. Вторая отъ конца строка, согласная съ конечною въ основномъ метрѣ, строитъ свой рядъ гораздо слабѣе и потому гораздо свободнѣе.

Предъ главнымъ акцентомъ (атнахъ), въ качествѣ передоваго раздѣлительнаго акцента, здѣсь ставится тифша, отличающаяся отъ тифши полупоэтической по внѣшнему виду тѣмъ, что она стоитъ въ началѣ слова, а не въ удареніи его, а по внутреннему музыкальному значенію тѣмъ, что она гораздо слабѣе ея. Слабость поэтической тифши открывается изъ того, что она можетъ стоять предъ атнахомъ уже на второмъ слогѣ. тогда какъ соотвѣтствующій тифшѣ акцентъ нижней строки ребіа-герешъ можетъ имѣть мѣсто не ближе какъ въ третьемъ, а большею частію, въ четвертомъ слогѣ предъ силлукомъ, и, съ другой стороны, тогда какъ ребіа-герешъ имѣетъ силу еще на четвертомъ слогѣ предъ силлукомъ, тифша на четвертомъ слогѣ предъ атнахомъ всегда исчезаетъ, замѣщаясь шалшелеомъ (Пс. 72, 3). Слабость же всей вообще второй строки ясно открывается изъ того, что она то сокращается въ одинъ акцентъ атнахъ съ соединительными (безъ тифши Пс. 2 4), то расширяется вставнымъ членомъ ребіа, не повторяющимся однакожъ болѣе одного раза, какъ это бываетъ въ полупоэтической системѣ.

3. Изъ указанныхъ двухъ строкъ часто слагается полный поэтическій стихъ, такъ впрочемъ, что верхняя строка относится къ нижней, какъ приготовленіе къ ней, или какъ ея слабѣйшее отраженіе. Но настоящій поэтическій стихъ повторяетъ основной метръ отдѣльныхъ строкъ три раза, прежде чѣмъ заключится аккордъ стиха. Этотъ третій, передній рядъ стиха отъ полупоэтической третьей части отличается тѣмъ, что онъ не подчиненъ второй части и имѣетъ самостоятельность основнаго члена. Эта особенность выражена здѣсь уже въ перемѣнѣ полупоэтическаго главнаго акцента третьей строки сегольта, на сложный акцентъ *мерка-матахъ*. Замѣчательно, что въ составъ этого новаго акцента, обозначающаго третью строку, вошелъ соединительный акцентъ *магнахъ*, который, какъ мы видѣли, занимаетъ именно третье мѣсто отъ конца отдѣльной строки. Какъ самый высшій рядъ

стиха, мерка-магнахъ съ зависящими отъ нея акцентами строится очень свободно. Такъ, хотя она имѣетъ свой собственный передовой раздѣлительный акцентъ, взятый изъ третьей полупоэтической строки, *зарку*, но этотъ послѣдній не существенно связанъ съ главнымъ и можетъ свободно измѣниться въ ребію. Хотя вставной членъ ребіа стоитъ на третьей степени силы и на второй высоты, а зарка, напротивъ того, на второй степени силы и на третьей высоты, но, въ отношеніи къ главному акценту третьей строки, онѣ уравниваются, отличаясь только тѣмъ, что зарка даетъ легкій и мягкій звукъ, характеристичный въ третьей строкѣ, а ребіа даетъ общее и сильнѣйшее повышеніе. Есть много случаевъ даже такихъ, что зарка и ребіа стоятъ въ строкѣ, не измѣняя другъ друга; въ такомъ случаѣ ребіа стоитъ ближе къ концу строки, а зарка въ срединѣ ея и раздѣляетъ собою строку на двѣ части. Если же третья строка обнимаетъ собою незначительное количество словъ, то передовымъ акцентомъ стоитъ зарка, отдѣляясь отъ основнаго акцента по правилу тремя или четырьмя слогами.

И такъ поэтическій метръ, подобно полупоэтическому, состоитъ *въ взаимномъ отношеніи между собою трехъ отдѣльных рядовъ стиха, но онъ возвышается надъ полупоэтическимъ метромъ тѣмъ, что ряды его не постепенно усиливаются къ концу стиха, но средний рядъ даетъ пониженіе между двумя рядами крайними*. Приблизительно мы опредѣлимъ отношеніе между поэтическими рядами, если основной акцентъ нижней строки назовемъ двойнымъ тактомъ, основной акцентъ средней строки полтактомъ, а основной акцентъ верхней строки тактомъ. Такое отношеніе часто наглядно дается въ построеніи поэтического стиха, напр. Пс. 3, 6; 3, 13; 15, 5; 29, 9; Іова 27, 5 и др.

Я легъ и заснулъ (мерка-магнахъ)

Проснулся (атнахъ)

Въ надеждѣ на Іегову (силлукъ) Пс. 3, 6.

Въ большинствѣ же случаевъ второй членъ, не отличаясь сокращеннымъ объемомъ, даже иногда превосходя имъ нижній рядъ, обнаруживаетъ свою слабость въ характерѣ акцентовъ, какъ мы видѣли выше. Исключеніемъ также, хотя и очень характернымъ, можно назвать тѣ случаи, гдѣ слабый второй строки вовсе нѣтъ въ стихѣ, а есть только первая и третья; въ такомъ случаѣ между оставшимися крайними членами нужно предполагать необыкновенной продолжительности паузу, что у насъ замѣняется точками, обозначающими стойку, среди необыкновенно стремительного потока звуковъ. Напр. Пс. 11, 6.

Дождемъ пролилъ на нечестивыхъ жаръ (мерка—
магнахъ

. (атнахъ —)

Огонь и сѣра и самумъ—доля ихъ. (силлукъ)

Объединяя все сказанное нами объ акцентуаціи полупоэтической и поэтической, прійдемъ къ заключенію, что метръ древнееврейской поэзіи именно можетъ быть сравниваемъ съ метромъ нашей русской народной поэзіи; т. е. это было *тоническое стихосложене, основывающееся на удареніяхъ цѣлыхъ словъ*, покуда около удареній концентрируется вся сила слова; послѣ двухъ трехъ такихъ удареній, т. е. послѣ двухъ трехъ словъ, дѣлается болѣе или менѣе значительная пауза, т. е. отдѣляется особенный членъ. Но метръ древнееврейскій превышаетъ нашу народную метрику особеннымъ музыкальнымъ расположеніемъ отдѣльных группъ или членовъ. Хотя это расположеніе можетъ быть здѣсь очень разнообразно и часто не выдерживаетъ единства тона, своего общаго архитектурнаго склада въ построеніи стиха; но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть сравниваемо съ механическимъ смѣшеніемъ въ библейскомъ стихѣ ямбовъ, хореевъ, анапестовъ, дактилей и проч., какое мы видѣли у многихъ изслѣдователей нашего вопроса. Роскошь мазоретской

номенклатуры и богатство акцентовыхъ знаковъ не должно служить предметомъ удивленія, послѣ того какъ найдено, что древніе индійцы имѣли 92 музыкальныхъ стоны, изъ которыхъ каждая имѣла свое имя и свой особенный знакъ. Возможно, что какъ индійскіе рапсоды, такъ и евреи—мазореты не имѣли возможности, по недостатку преданій, или даже не умѣли, строго научнымъ образомъ объединить сущность своей древней поэзіи и музыки, отчего у нихъ много частныхъ и исключительныхъ случаевъ (о нѣкоторыхъ мы даже не упоминали, такъ какъ они могли произойти и отъ дальнѣйшихъ переписокъ какъ ошибки); но что ихъ общій характеръ и духъ вѣрны, что они передаютъ, хотя отрывочно и неполно, основанія древней музыкальнопоэтической скалдовки стиха, въ этомъ не долженъ сомнѣваться тотъ, кто не хочетъ остаться безъ всякаго представленія о библейскомъ стихометрѣ. Это подтверждаетъ и преданіе синагоги, употребляющей акценты въ значенія потъ и дающей имъ еще болѣе спеціальныя роли, иногда впрочемъ уклоняющіяся отъ указаннаго нами значенія, хотя и не противорѣчащія ему (см. Труд. Кіев. Акад. 1871. Дек. 392, 393).

Между образованнымъ такимъ образомъ стихомъ и цѣлою пѣснію, или цѣлымъ поэтическимъ произведеніемъ, еще не могло быть непосредственнаго отношенія. Если поэтическая строка обнимаетъ только небольшую группу словъ, стихъ небольшую и опредѣленную группу строкъ; то выше стиха должна быть новая большая единица, которая обнимала бы отдѣльныя группы стиховъ и приводила ихъ къ высшему единству въ пѣсни. Такою единицею во всѣхъ поэзіяхъ служатъ *строфы* или куплеты, безъ раздѣленія на которые пѣсня въ музыкальномъ смыслѣ не возможна. Что въ библейской поэзіи было извѣстно раздѣленіе на строфы, это видно: 1) изъ псалмовъ алфавитныхъ, въ которыхъ отдѣльныя группы образуются изъ стиховъ, начинающихся от-

ною буквою, на примѣръ Пс. 9 каждыя два стиха начинается одною буквою, Плач. 3 даетъ группы изъ трехъ стиховъ, Пс. 119 группы изъ восьми стиховъ. Что здѣсь нужно видѣть не одно внѣшнее раздѣленіе, а и внутреннее расчлененіе пѣсни, это видно изъ того, что часто этимъ раздѣленіямъ соотвѣтствуетъ расположеніе главныхъ моментовъ содержанія. Для примѣра вотъ *девятый* псаломъ:

✠ Славлю Іегову всѣмъ сердцемъ моимъ,
Проповѣдую о различныхъ чудесахъ Твоихъ.

ст. 2. Радуюсь и торжествую о Тебѣ,
Слагаю пѣсни имени Твоему, Всевышній.

⌒ Тылъ показали враги мои,
Нали и сгибли предъ Тобою,

ст. 4. Когда Ты разсмотрѣлъ судебную тяжбу мою,
Возсѣвъ на престолъ правосудія.

⌒ Ты пригрозилъ народамъ, погубилъ нечестивыхъ,
Имя ихъ изгладилъ на вѣки вѣчныя.

сс. 6. Врагъ?! Все сокрушено у него на всегда въ развалины.

Въ городахъ, разрушенныхъ Тобою,
Погибла тамъ память ихъ.

⌒ Іегова, живущій во вѣки,
На правосудіи утвердилъ престолъ Свой.

ст. 8. Опъ разсудить вселенную праведно.
Рѣшить споры народовъ вѣрно и проч.

2) Раздѣленіе на строфы ясно дается въ библейскихъ пѣсняхъ чрезъ повтореніе нѣкоторыхъ основныхъ стиховъ въ продолженіи пѣсни, или припѣвовъ, которыми во всѣхъ поэзіяхъ оканчиваются или начинаются отдѣльныя строфы. Вотъ напримѣръ Пс. 42 и 43, образующіе нераздѣльное цѣлое.

2. Какъ лань устремляется къ потокамъ воднымъ,
Такъ душа моя устремлена къ Тебѣ Боже,
3. Томится жаждою душа моя о Богѣ живомъ и вѣри-
комъ,
Чтобы придти мнѣ и видѣть лице Божіе.
4. Слезы лица мнѣ днемъ и ночью,
Потому что постоянно спрашиваютъ меня: гдѣ же
Богъ твой?
5. Объ одномъ я думаю,
Объ одномъ тоскуетъ во мнѣ душа моя,
Какъ бы мнѣ войти въ собраніе
Вступить въ домъ Божій,
Среди торжественныхъ и благородныхъ криковъ ли-
кующей толпы.
6. *Что унываешь душа моя и тоскуешь во мнѣ?
Надѣйся на Бога, что Онъ дастъ мнѣ еще сла-
вить Его,
Спасителя моего и Бога моего.*

-
7. Унываетъ во мнѣ душа моя,
Когда воспоминаю Тебя съ земли Иорданской,
Съ горы малой Ермонской,
 8. Гдѣ пропасть окликается съ пропастью въ шумѣ
водопадовъ,

Гдѣ мимо меня проходитъ множество потоковъ и
теченіи Твоихъ.

9. Каждый день являетъ Іегова милость Свою
И ночью пѣснь Ему у меня,
Молитва Богу жизни моей.

10. Я говорю къ Богу, опорѣ моей: «отчего Ты за-
былъ меня,
«Отчего и долженъ ходить печальный подѣ оскорб-
леніями врага,

11. «Между тѣмъ какъ тираны мои сокрушаютъ кости
мои,
«Издѣваются падо мною, говоря: гдѣ же Богъ твой?»

12. *Что унываешь душа моя и тоскуешь во мнѣ?
Надѣйся на Бога, что Онъ дастъ мнѣ еще сла-
вить Его,
Спасителя моего и Бога моего.*

Пс. 43, 1. Разсуди меня Боже, разрѣши тяжбу мою съ наро-
домъ немилосердымъ,
Отъ людей этихъ лукавыхъ и нечестивыхъ избавь
меня,

2. Вѣдь Ты Богъ крѣпкій мой
Отчего Ты отвергнулъ меня?
Отчего я долженъ ходить печальный подѣ оскорб-
леніями врага?

3. Пошли свѣтъ Твой и истину Твою, чтобы они
руководили меня

И привели на гору святую Твою, въ жилище Твое,

4. Чтобы я могъ придти къ жертвеннику Божію,
къ Богу веселія и торжества моего.

ст. 5. *Что цывиваешь душа моя и тоскуешь во мнѣ?*
Надѣйся на Бога, что Онъ дастъ мнѣ еще сла-
вить Его,
Спасителя моего и Бога моего.

Такимъ же образомъ въ Пс. 39 повторяется припѣвъ: *да, суета всякій челоувѣкъ живущій*, въ 6 и 12 стихахъ; въ Пс. 49 въ ст. 13 и 21 повторяется одинъ припѣвъ съ легкимъ измѣненіемъ слова *jalín* въ *jabín* (игра словъ); въ Пс. 57 ст. 5 и 12 повторяютъ припѣвъ: *превознесись выше небесъ Боже, чтобы по всей земли сіяла слава Твоя*; въ Пс. 107 ст. 8, 15, 21, 31 повторяютъ заключительный стихъ: *они славятъ Іегову за блага Его, за чудеса Его сына мѣ челоувѣчески мѣ*; Пс. 9, ст. 11, 16, 20; 10, 4 повторяется припѣвъ: *по всѣмъ-этимъ не укротился илѣвъ Его и рука Его поднята еще*.—Въ другихъ пѣсняхъ наоборотъ припѣвы начинаютъ строфы; такъ Пс. 62, ст. 1, 6 повторяется припѣвъ: *да, въ Богъ покой души моей, на Него надежда моя*; также Амос. 1, 3. 6. 9. 10. 13 и 2, 1. 4. 6.

3) Наконецъ раздѣленіе библейскихъ пѣсней на отдѣльныя группы стиховъ дается музыкальнымъ терминомъ *села*, встрѣчающимся въ библейскихъ пѣсняхъ въ заключеніи нѣкоторыхъ стиховъ 72 раза, по одному разу въ псалмахъ 20. 21. 39. 44. 47. 48. 50. 52. 54. 55. 60. 61. 75. 81. 82. 83. 85. 143, по два раза въ Пс. 4. 9. 24. 39. 49. 57. 59. 62. 67. 76. 84. 87. 88, по три раза въ Пс. 3. 32. 46. 66. 68. 77. 140. Аввак. 3; четыре раза въ Пс. 89. Хотя многіе псалмы не имѣютъ этого термина, и въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ онъ есть, выпѣшняя разстановка его не вездѣ вѣрна и полна (напр. въ Пс. 3, гдѣ послѣ каждаго двухъ стиховъ повторяется *села*, оно пропущено послѣ стиха 7; тѣмъ не менѣе присутствіе этого паузнаго знака (*διάψαλμα*, *da saro*) среди пѣсней дѣлаетъ безспорнымъ ихъ строфическое раздѣленіе.

Изъ этихъ основаній можно вывести: 1) что пѣсни древне-еврейскія дѣлятся по куплетамъ; 2) что объемъ куплетовъ приблизительно выдерживается въ одной и тойже пѣсни одинъ и тотъ же съ меньшею свободою сокращеній и расширеній, чѣмъ какую мы видѣли въ опредѣленіи объема стиховъ одной и той же пѣсни; куплеты алфавитныхъ псалмовъ даже слишкомъ строго выравниваются; 3) объемъ строфъ въ различныхъ пѣсняхъ бываетъ различенъ и простирается въ поэтическихъ отрывкахъ отъ двухъ до восьми стиховъ включительно, а въ полупоэтическихъ до двѣнадцати и болѣе.

Построеніе стиховъ и строфъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, смотря по роду поэтическихъ произведеній. Здѣсь нужно отличать: 1) *метръ гномическій* или дидактическій, господствующій въ книгѣ Притчей и Іова и представляющій одинъ изъ видовъ полного поэтическаго метра. Это строго равномѣрный, правильный, спокойный метръ, называвшійся у грековъ *ἰσος ῥόσμος*; онъ образуется въ стихѣ почти всегда соединеніемъ двухъ строкъ, т. е. простаго повышенія и пониженія, причемъ нижняя строка имѣетъ силлукъ съ соединительнымъ акцентомъ и съ своимъ передовымъ членомъ ребіа — герешъ, а верхняя атнахъ съ соединительнымъ и съ слабою поэтическою тифшею; только въ книгѣ Іова попадаетъ часто вставной членъ ребіа. Такимъ образомъ, каждая строка здѣсь будетъ имѣть, вообще полагая, четыре слова — два съ акцентами раздѣлительными и два съ соединительными; а полагая для каждого еврейскаго слова среднимъ числомъ два слога, получимъ среднимъ числомъ восемь слоговъ въ отдѣльной гномической строкѣ. Таже спокойная равномѣрность видна здѣсь и въ построеніи строфъ; напримѣръ въ кн. Притчей 8, 12 — 31 изображается Премудрость въ четырехъ строфахъ, каждая изъ пяти стиховъ. Мало того, гномическій стихъ часто стоитъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ другимъ, и, слѣдовательно,

самъ собою образуетъ не только строку, но и законченное цѣлое, въ какомъ видѣ у насъ ходять народныя пословицы. Только книга Іова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь переходитъ изъ дидактической въ лирическую, имѣетъ неравномѣрныя строфы (см. Происх. кн. Іова, Арх. Филарета, 169 и д.). Съ риторической стороны, хотя гномическая поэзія ставится образцомъ параллелизма, но въ сущности, вмѣсто параллелизма или повторенія мыслей и предложенийъ, здѣсь вездѣ идетъ поступательное прогрессивное движеніе мысли. Наконецъ въ фонетическомъ отношеніи гномическая поэзія книги Притчей имѣетъ рифму и аллитерацію, часто переходящую въ игру словъ, особенно въ стихахъ не соединяющихся въ строфы.

2. *Метръ лирическій* представляетъ совершенную противоположность гномическому въ своемъ свободномъ, часто прерывающемся, построеніи, приближаясь къ греческимъ диамрамбамъ (*διὰ ὅραμαρος врывающийся двумя дверьми*) и латинскимъ *cantio libera*. Свойственная лирикѣ быстрота и стремительность рѣчи не выносятъ строгаго гномическаго построенія метра, который то расширяется здѣсь въ три строки съ вставными членами, то суживается въ одну строку. Крайнее растяженіе метра стиха можетъ давать здѣсь нѣть отдѣльныхъ членовъ, именно двѣ верхнія строки, какъ слабѣйшія, вставнымъ членомъ могутъ разбиваться на части, самая верхняя на три члена, а средняя на два. Хотя, такимъ образомъ, могло бы образоваться шесть членовъ, но, на самомъ дѣлѣ, стихъ никогда не переступаетъ пяти членовъ, потому что средняя строка дѣлится на два члена только въ томъ случаѣ, если верхній членъ не слишкомъ ослабленъ растяженіемъ. Съ другой стороны, лирическое движеніе чувства условливаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крайній отливъ въ членахъ стиховаго метра, такъ что стихъ состоитъ иногда только изъ одной строки. Собственно говоря, такое построеніе должно бы отнять всякій метръ у стиха; но, на самомъ дѣлѣ, метръ въ та-

нихъ случаяхъ только закрывается, потому что исчезающая вторая строка оставляетъ по себѣ свой второстепенный акцентъ тифшу, стоящую въ такихъ случаяхъ предъ ребіа—герешъ съ своими соединительными (Пс. 148, 14, иногда только шалшелетъ или магнахъ вмѣсто тифши Пс. 34, 8; 71, 21), такъ что раздѣленіе двухъ строкъ здѣсь все таки остается хотя слабѣйшее, и хотя повышеніе и пониженіе, образуемое обыкновенно строками стиха въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ такомъ случаѣ весьма мало чувствительны. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ мазоретской библіи такіе однострочные стихи вмѣсто ребіа—герешъ, передоваго акцента силлука, имѣютъ сильнѣйшій акцентъ ребіа, чѣмъ вносится въ нижнюю строку раздѣленіе свойственное только верхнимъ. Указываютъ въ лирической поэзіи даже такіе однострочные стихи, въ которыхъ, кромѣ силлука, нѣтъ никакого, даже слабаго, раздѣлительнаго акцента, а только рядъ соединительныхъ; но такіе стихи встрѣчаются только въ написаніяхъ Псалмовъ и потому не должны считаться законченными стихами Пс. 36, 1. 44, 1. 47, 1. 49, 1.—Въ раздѣленіи строкъ лирическая поэзія, хотя въ различныхъ пѣсняхъ можетъ обнимать различныя группы стиховъ, но разъ исполненная въ пѣсни строфа сообщаетъ свой объемъ всѣмъ послѣдующимъ строфамъ. Это видно изъ раздѣленія нѣкоторыхъ пѣсней по алфавиту. Кромѣ того, равномерность строкъ необходима была потому, что всякая пѣсня пѣлась, вслѣдствіе чего основной напѣвъ долженъ былъ повторяться, что могло быть только на приблизительно равныхъ пространствахъ пѣсни. А такъ какъ при этомъ у евреевъ, въ праздничныхъ и священныхъ пѣсняхъ, исполненіе раздѣлялось между двумя хорами; то количество строкъ должно было быть четное, какъ это подтверждается числомъ строкъ тѣхъ же алфавитныхъ псалмовъ. Съ риторической стороны параллелизмъ членовъ въ лирической поэзіи замѣтитъ въ псалмахъ менѣе лирическаго характера; при сильномъ лирическомъ движеніи одно предложеніе

может дѣлиться на двѣ строки въ тупой Евальдовъ метръ. Аллитерація въ лирикѣ не менѣе часто встрѣчается чѣмъ и въ другихъ родахъ поэзіи; часто почти вся пѣсня бываетъ римо-вана.

3. *Метръ пророческій.* Что поэтический элементъ прои-каетъ собою пророчества, это легко можно видѣть изъ содержа-нія ихъ, часто прямо переходящаго въ пѣсню (Ис. 5, 1—3). Что пророки были вмѣстѣ поэты и музыканты и сопровождали иногда свои изреченія игрою на музыкальномъ инструментѣ, какъ передавались и пѣсни. объ этомъ можно заключать изъ 1 Сам. 10, 5. 2 Цар. 3, 15. На основаніи этихъ свидѣтельствъ пѣко-торые полагають, что, послѣ каждой пророческой строфы, самъ пророкъ, или кто-либо изъ учениковъ его, повторялъ на музы-кальномъ инструментѣ мотивъ, соответствующій строю пророче-ской рѣчи, которая въ такомъ случаѣ произносилась на распѣвъ, на подобіе пѣсни, какъ и донныѣ на востокѣ народные расска-зники и пѣвцы употребляютъ различныя пѣсенныя напѣвы въ изложеніи рассказа и каждую остановку наполняютъ музыкою (Lane's modern Egyptians t. 2, p. 116). Но метръ пророческій у мазоретовъ причисленъ къ полупоэтическимъ, а не поэтическимъ произведеніямъ. Особенностію этого метра нужно считать растя-нутость отдѣльныхъ строкъ стиха; здѣсь рѣдко встрѣчаются стихи объема стиха гномическаго, но почти всегда превосходятъ его дважды, а то и трижды. Господствующими акцентами въ от-дѣльныхъ строкахъ здѣсь являются вставные члены, особенно закефъ малый и ребіа, повторяющіеся иногда до четырехъ и пяти разъ въ строкѣ, хотя и здѣсь метръ стиха имѣетъ свои пре-дѣлы, и такіе необыкновенно растянутые стихи, какъ Ис. 50, 2, нужно отнести къ погрѣшностямъ пунктаторовъ Библии. Теорія рѣма мыслей къ пророческой поэзіи болѣе всего неприменима; многіе стихи здѣсь переступаютъ указанныя Евальдомъ границы стиха—пять короткихъ предложень, напр. Ис. 33, 15 даетъ

формулу ab. cd. ef. Что касается собственно параллелизма, то большая часть стиховъ здѣсь построены по образцу нашей современной рѣчи, такъ что одна строка безъ другой не имѣетъ смысла Ис. 3, 12. 5, 17. 11, 7. 14. 16, 5. 21, 14. 48, 10. Іер. 4, 15. Іезек. 7. 26 и проч. Древнѣйшія пророческія книги имѣютъ и аллитерацію, которая, особенно у Исаи и Михея, переходитъ часто въ прекрасную игру словъ. Строчическое раздѣленіе пророческихъ книгъ самъ Евальдъ принужденъ былъ признать равномѣрнымъ (*gleichmässige*). Въ частности здѣсь различаютъ *малыя* строфы, обнимающія два три стиха (Іер. 47, 3—7. 46, 3—12), *среднія* строфы, обнимающія четыре пять стиховъ (Ис. 9, 7—10. 23, 1—14. Зах. 12, 1—13) и *длиныя* строфы, обнимающія семь, восемь и болѣе стиховъ (Ис. 7, 18—23).— Къ пророческому метру можно присоединить еще метръ *драматическій* въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, имѣющій умѣренное разширеніе строкъ, но къ собственно поэтическому метру не причисленный, и метръ *историческихъ* книгъ, который можно назвать спокойнымъ метромъ, но съ полнымъ господствомъ вставныхъ акцентовъ, по значенію близкихъ здѣсь къ грамматическимъ знакамъ прерыванія; въ мѣстахъ же поэтическихъ, напр. Втор. 32, Суд. 5 и пр. историческій метръ получаетъ строгую равномѣрность въ объемѣ строкъ и стиховъ.

Кромѣ того, въ каждой отдѣльной священной книгѣ можно встрѣчать оригинальныя особенности въ построеніи метра по акцентамъ, зависѣвшія оттого, что различныя книги св. Писанія были пунктированы въ различныхъ школахъ и различными лицами, которыя, хотя знали духъ и характеръ библейскаго метра, но въ отдѣльныхъ случаяхъ могли то давать мѣсто собственному вдохновенію и музыкально-поэтической изобрѣтательности, то смѣшивать различныя музыкальныя стопы и мелодіи.

Поэтическія книги въ древнихъ манускриптахъ писались иногда съ раздѣленіемъ на строки, но книги полупоэтическія пи-

сались всегда какъ наша проза. Въ настоящее время въ переводахъ логическихъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завета, подъ вліяніемъ теоріи рима мысли, раздѣляютъ стихи по предложеніямъ въ особенныя строки. Конечно, такое раздѣленіе имѣетъ значеніе; оно непосредственно даетъ видѣть величественную, дѣвственно-прекрасную постройку древней, но доселѣ не потерявшей своей свѣжести и обаянія, мысли, ставящей свои представленія въ наготѣ ихъ рожденія въ душѣ, безъ искусственныхъ покрововъ нашей округленной періодической рѣчи. Но при этомъ напрасно опускаютъ изъ виду мазоретскій метръ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предложеніе длинно и не соответствуетъ обѣму сосѣднихъ предложеній. Съ другой стороны, совершенно излишняя заботливость нѣкоторыхъ нѣмецкихъ переводчиковъ выдерживать въ переводахъ стопы нѣмецкой просодіи. Красивая и плавная проза Лютерова перевода заключаетъ въ себѣ гораздо больше внушительности, даже эффекта, чѣмъ всѣ эти версификаціи.

А. Оленичкін.

